

Аркадий Канков

В Югории
у КАНТОВ

Альберт Кайков

В Югории у хантов

Повесть и рассказы

Новосибирск

2025

ББК 84

К 15

Кайков А.С.

К 15 В Югории у хантов. Повесть и рассказы.

Новосибирск: РИЦ «Новосибирск», 2025.

В очередной книге А.С. Кайков возвращается к теме о малочисленных народах севера, воссоздает мир их жизни и быта. Описывает изменения, происходящие в их угодьях на протяжении нескольких веков. Не обошёл тему охотничьих и бытовых рассказов.

Увлекательно написанная книга будет интересна взрослым и детям.

Кайков А. С. Тексты, фотографии на обложке автора, 2024

Дизайн обложки О. Г. Мыслин

Очарованный жизнью

Кто-то из великих утверждал: «На свете живут одни поэты! Просто не всем обстоятельства позволяют раскрыться вовремя и в полную меру их дарования».

Судьба Альберта Сергеевича Кайкова сложилась счастливо.

Альберт Сергеевич Кайков родился 8 мая 1932 года на Южном Урале, в городе Аша Челябинской области. Бревенчатый дом семьи Кайковых стоял на берегу речки Сим, впадающей в Белую. За рекой поднимались Уральские горы, покрытые липовым лесом. По признанию Альберта Сергеевича, запах цветущей липы всегда напоминал о детстве.

Алик был старшим сыном, в семье подрастили ещё брат и сестра.

Мама, Мария Алексеевна, работала учительницей в младших классах. Она привила сыну любовь к книгам. В школьные годы он читал очень много, любимые авторы: Ф. Купер, Д. Лондон, Ж. Верн, русские классики.

Отец, Сергей Фёдорович, был строителем, эту специальность унаследовали старший сын и внуки. Всю жизнь он питал страсть к рыбалке и охоте. Когда Алику исполнилось шесть лет, отец брал его на ночную рыбалку. Рыбу ловили бреднем или лучили: перед носом лодки, в корзине из проволоки разжигали огонь. Он освещал пространство вокруг лодки, открывая таинственный подводный мир: среди камней и коряг можно было увидеть налимов, щук, голавлей и стайки мелкой рыбёшки. Эти впечатления остались в памяти мальчика на всю жизнь. Он видел, как отец заряжал патроны или мастерил манок на рябчиков, сын мог наблюдать часами. В те дни, когда отец зимой уходил на охоту, Алику было позволено дожидаться его возвращения. Отец всегда приносил зайца. В мальчике боролись два чувства: жалость к убитому зверьку и трепет от возможности держать мягкое пушистое тельце в руках и разглядывать его.

Обе страсти отца передались сыну, а в дальнейшем стали основной темой его произведений.

Альберт рос любознательным и общительным. Летом он с товарищами целыми днями пропадал на реке, где купались и ловили рыбу. Любимыми играми были прятки, лапта, городки.

Перед войной родители решили переехать в Анапу Краснодарского края, чтобы дети могли вволю есть фрукты и купаться в море. Была весна, и весь город представлял собой один цветущий сад. Купили саманный домик с большим садом. Здесь Альберт закончил первый класс.

В детской жизни Альберта Кайкова, как у медали, были две стороны: одна, светлая – до войны и другая, тёмная – годы войны и оккупации.

Через год началась война, отец ушёл на фронт. Наступила тёмная сторона, и детство, по сути, закончилось в девять лет.

На руках у мамы остались трое детей и бабушка. Естественно, что часть мужской работы пришлось взять на себя Альберту – старшему сыну.

Недалеко от их дома, на соседней улице, находилась Морская школа, которая готовила моряков для Черноморского флота. С первых дней войны немцы методично, по ночам, бомбили этот важный объект. Вначале жители с интересом наблюдали за ночным небом, по которому шарили лучи прожекторов. Когда в пересечение лучей попадал вражеский самолёт, по нему начинали стрелять зенитные орудия. Однажды немецкий самолёт был сбит. Ликование было всеобщим. Вскоре интенсивность бомбёжек увеличилась: немецкие самолёты начали бомбить жилые дома и общественные здания, желая нанести наибольший ущерб. Этот период военной жизни Альберт Кайков описывает в стихотворении:

Налёты были в темноте.

Чтоб не погибнуть в суете,

Мы очень часто под кровать

Ложились все в одежде спать.

Под непрерывный вой сирен

Бежали мы от тёплых стен.

Тот звук нам душу надрывал.

И гнал скорее всех в подвал...

Жители стали сооружать в садах убежища: рыли траншеи глубиной около двух метров, сверху накрывали досками, и в них прятались во время бомбёжек.

Однажды бомба попала в поликлинику, где ожидала приёма к врачу бабушка Альберта, её контузило. Мария Алексеевна приняла решение увезти семью из города и перевелась работать учителем в село Варваровка, что в двенадцати километрах от Анапы. Добирались на подводе. Председатель колхоза предоставил им жильё. Его жена, Тамара Ивановна была директором школы. Учеников было мало, и каждая учительница вела по два класса: в левом ряду сидели четвероклассники, а в правом – второклассники. Алик учился во втором.

В селе текла спокойная жизнь, только со стороны Новороссийска и Анапы доносились звуки канонады.

Основавшись в Варваровке, Мария Алексеевна купила кур и двух коз. У Алика появились новые заботы – выгонять коз на пастбище, запасать для них траву.

Летом учеников посыпали на виноградники собирать жуков – вредителей, а осенью на скошенных пшеничных полях – оставшиеся колоски. За это начислялись трудодни: Алику было начислено десять трудодней, за что он получил литровую банку мёда – первый свой заработок.

Через год немцы подошли к селу. Председатель колхоза раздал жителям всю скотину и собранный урожай, чтобы всё это не досталось врагу. Кайковы получили два мешка кукурузы, бутыль подсолнечного масла и бутыль вина: эти продукты спасли семью от голода во время оккупации.

Без единого выстрела селозаняли румыны, и вскоре козы, а за ними и куры сельчан оказались в котлах полевых кухонь захватчиков.

Все мужчины села ушли в партизаны. Заросшие лесом Кавказские горы, которые начинились сразу за огородами и садами, служили хорошим укрытием.

Председатель колхоза иногда наведывался к семье. Немцы, догадываясь о связях партизан с населением, часто устраивали облавы. При очередном рейде в дом директора школы, они обнаружили дымящийся окурок. Этого оказалось достаточным, чтобы расстрелять Тамару Ивановну и её дочерей; одна училась во втором классе, другая – в четвёртом. Смотреть на расстрел согнали всё село.

Мария Алексеевна забеспокоилась. Она часто бывала в доме коллеги, её могли заподозрить в связях с партизанами. Пришлось увезти семью из Варваровки в Анапу. К сожалению, дом заняли немцы, и семья вынуждена была устроиться в сарае.

Алик вновь встретился с приятелями. Ребятам было уже не до игр, всех одолевали взрослые заботы: где найти дрова, где раздобыть хоть какое-нибудь съестное. Алик пристрастился охотиться с рогаткой на голубей и воробьёв.

На всю жизнь ему запомнился один случай. Найдя на развалинах Морской школы, обгоревшую с одной стороны доску, взвалил её на плечи и понёс домой. На выходе с территории школы его остановил немецкий патруль. Ругаясь на своём языке, немцы показывали автоматами, чтобы он отнёс доску обратно.

В сопровождении двух автоматчиков Алик понёс её к развалинам. Страшная мысль сверлила мозг: «Расстреляют или нет?» Получив пинок, под немецкую брань, из которой понял только: «Шнель, шнель!», он бросился бежать, продолжая с ужасом думать: «Будут стрелять или нет?» После ого случая, отправляясь за дровами на развалины, он старался быть очень осторожным. Дома об этом случае умолчал. Сбор дров входил в его обязанности.

Наиболее глубокие и сильные переживания в жизни Альберта Сергеевича связаны с Великой Отечественной войной. Он до сих пор помнит все подробности тех событий.

Самой большой радостью, конечно, стало освобождение Анапы нашими войсками. В качестве иллюстрации можно привести две строфы из стихотворения Альберта Сергеевича «Канонада»:

Оккупации дни сочтены.

Как ни трудно, но выжить нам надо.

Отступая, фашисты страшны,

Доносилась уже канонада.

Эти звуки победно неслись.

О них долго мы жили мечтами.

В них свобода и счастье слились,

И надежды на встречи с отцами.

В саду Кайковых остановилось подразделение солдат, воевавших под Новороссийском. Дынилась полевая кухня, всё семейство угощали солдатской кашей с консервами. Впервые за последний год они наедались досыта.

Открылся доступ к морю. Алик с друзьями каждый день рыбачили и ловили крабов. Бабушка, принимая улов, на все лады расхваливала внука, и это вдохновляло его на новые «подвиги».

В репродукторе всё чаще звучал голос Левитана: «Наши войска под командованием Рокоссовского (Конева, Ерёменко...) освободили город...»

Многие ребята, в том числе и Алик, мечтали стать офицерами и походить на прославленных маршалов, чтобы не допустить новой войны, стране нужна сильная армия. Мечта многих исполнилась. Спустя много лет офицером стал и Альберт Сергеевич Кайков.

Последний год войны был самым голодным. Семья вернулась на Урал. В Аше купили корову; хлеба не хватало – его выдавали по карточкам, но зато были в достатке молоко и картошка, которыми их обеспечивали родственники. До сих пор любимое блюдо Альберта Сергеевича – оладьи из натёртой картошки – драники. Жили на частной квартире. Денег, вырученных от продажи дома в Анапе, хватило ненадолго. К этому времени Алик закончил шестой класс.

Отца, после победы над Японией, оставили служить на Сахалине – строить военные объекты. Он послал вызов семье, и Мария Алексеевна с тремя детьми и бабушкой стала собираться в дальнюю поездку. До Владивостока ехали в вагоне, приспособленном для перевозки солдат, – теплушке, затем через Татарский пролив – на грузовом пароходе «Анива». Из порта Корсаков ехали на поезде по узкоколейке, оставшейся от японцев.

Семью поселили на территории воинской части. Домик стоял среди леса, на пригорке. Рядом протекал ручей, впадающий неподалёку в реку, по которой осенью шла на икромёт красная рыба. В ручье Алик ловил на удочку форель, а в реке бил острогой кету.

У отца был хороший заработок, кроме того, он получал продовольственный паёк. Только теперь у Альберта наконец-то исчезло постоянное чувство голода.

В школе, в посёлке Леонидово, куда Алик ходил за четыре километра, он закончил седьмой класс. Отец сделал сыну отличный подарок – одновольное ружьё Ижевского завода. Алик осенью и зимой добывал рябчиков и белок.

В 1948 году отца демобилизовали. Кайковы решили переехать в Новосибирск, чтобы предоставить детям возможность получить высшее образование. Купили небольшой домик на улице Партизанская.

К сожалению, отец вскоре оставил семью и ушёл к другой женщине.

В который раз для семьи наступил трудный период. Мария Алексеевна устроилась в строительную организацию секретарём-машинисткой, а по вечерам печатала документы, чтобы иметь дополнительный заработок. Все мужские дела – носить воду из колонки, очищать от снега тротуар и проезжую часть дороги – выполняли сыновья Алик и Гена.

Альберт пошёл в восьмой класс; он не был примерным учеником и часто получал тройки. Его любимыми предметами были зоология, ботаника, география, история; остальные он считал просто необходимыми.

Деньги, выдаваемые мамой на проезд до школы, Алик экономил и часто ездил «зайцем». Просить денег на рыболовные снасти ему было совестно: трамвайный билет стоил 3 копейки, а рыболовный крючок – 2.

Когда освоился в новом классе, сразу «вычислил» близких по интересам одноклассников: Рудик Рябышев, заядлый охотник и рыбак, стал его другом на всю жизнь. Он предупредил Алика, чтобы тот никому не говорил, что они увлекаются охотой, так как в школе не любят охотников. Вскоре выяснилось, в чём дело. Каждый понедельник учителя, зная, что в выходные дни их ученикам-охотникам некогда готовить уроки, вызывали их и спрашивали домашнее задание.

За вечернюю и утреннюю зори на своей первой в Сибири охоте Алику удалось добыть трёх уток.

На рыболовно-охотничьей базе «Спартак» в Кудряшовском бору он познакомился с Кондратием Никифоровичем Урмановым. Позже в Новосибирском Клубе охотников они встречались неоднократно. Это он привлёк Альберта к сотрудничеству в стенгазете «Охотник и рыбак», регулярно издаваемой в Клубе, предложив написать заметку о впечатлениях первой рыбалки. Это он посеял в молодом человеке зерно писательства, которое проросло позже.

Когда пришла пора выбирать профессию выбор стоял между Московским пушно-меховым институтом (специальность биолог-охотовед) и НИВИТом. Всё разрешил счастливый случай: на школьное собрание пришел военный моряк – кортик на боку, на плечах – золотые погоны, на рукавах сияют шевроны. Альберт мгновенно вспомнил мечту детства – стать военным. Желание было настолько велико, при конкурсе четыре человека на место ему удалось поступить!

Во время первой летней практики курсанты прошли на корабле вдоль всего тихоокеанского побережья. Они посетили Сахалин, Курильские острова, Камчатка, Чукотка. При посещении бухты Советская Гавань курсанты со шлюпок опустили на воду цветы над местом, где был затоплен фрегат «Паллада», на котором в составе первого русского посольства в Японии ходил в кругосветку писатель И. А. Гончаров, описавший в середине 19 века – это плавание в одноимённом цикле очерков.

После окончания училища Альберт получил направление на Камчатку: сначала командиром боевой части на большом охотнике за подводными лодками, а позже помощником командира корабля. Бушующий океан, заснеженные вершины вулканов, Долина гейзеров, река Паратунка с вечно горячей водой оставили в памяти Альберта Сергеевича неизгладимые впечатления. Жизнь на Камчатке А. С. Кайков описал в повести «Флотские будни».

В 1958 году, в связи с сокращением Вооруженных сил Правительство страны приняло постановление о приёме уволенных в запас офицеров в любой институт без экзаменов и предоставлении им квартир.

Альберт Сергеевич поступил на второй курс очного отделения Новосибирского инженерно-строительного института. В институте встретил Наталию Ивановну Попову – красивую стройную девушку с замечательным характером. Влюбился, через год они поженились, ещё через год у них родился сын Александр.

Окончив институт, Альберт Сергеевич, по распределению, работал в отделе архитектуры Новосибирского облисполкома. Решив набраться производственного опыта, молодой специалист несколько лет работал прорабом в 30-м строительном тресте.

В 1960-е годы в Заполярье отстраивал после пожара Игарку. Через месяц получил двухкомнатную квартиру, и семья воссоединилась, здесь у них родился второй сын Дмитрий.

Со временем был назначен заместителем директора Игарского лесопильно-перевалочного комбината по строительству. В этой должности проработал четыре года.

О своей увлечённости Севером он написал в стихотворении «Игарка»:

В Заполярье своя красота,
Её надо лишь только заметить:
Под ногами лежит мерзлота,
А на небе сияние светит...

Разольётся седой Енисей,
Богатырскую грудь расправляя,
Караваны придут кораблей –
Начинается жизнь портовая...

Он мог бы стать учёным, представив в своей диссертации оригинальный подход к строительству в условиях вечной мерзлоты. Однако недобросовестный оппонент отверг его предложения, а позже сам воспользовался ими. Альберт Сергеевич, по этическим причинам, не стал оспаривать своё первенство.

До ухода на пенсию А. С. Кайков 26 лет работал в должности заместителя главного архитектора Новосибирской области.

Литературным творчеством увлёкся, выйдя на пенсию, когда появилось много свободного времени. Вначале писал стихи, затем перешёл к прозе. Председатель Новосибирского отделения Союза писателей А. Б. Шалин, посмотрев его стихи, высказал мнение, что их можно публиковать.

Первый стихотворный сборник А. С. Кайкова, который объединил стихи разных лет, вышел в 2004 году. Будучи представлен на конкурс, посвящённый Победе в Великой Отечественной войне, сборник оказался среди победителей. Это вдохновило на дальнейшее творчество: в 2006 году опубликован сборник «Охотничьи тропы», в 2007 – «Реабилитированные», в 2008 – «На изгибе перестройки» и в «Краю родном», в 2009 году – «Воспоминания».

Главным советчиком и первым редактором книг А. С. Кайкова стал Пётр Павлович Дедов. Воспоминания военного детства легли в основу первой книги прозы Альберта Сергеевича «Потерянное детство» (2010год), которую высоко оценил известный сибирский писатель П. П. Дедов: «Эту книгу интересно прочитать, в ней много познавательного». О своём «крестном литературном отце» П. П. Дедове в рассказах «Последняя встреча» и «По Дедовским местам» Альберт Сергеевич вспоминает с глубоким чувством благодарности и признательности.

Одна за другой выходят в свет книги «Встреча через полвека», «В Туруханской тайге», «Под северным Небом», «Чёрная пурга», «В угодьях хантов», а также сборники рассказов «По жизни с друзьями», «Близкие сердцу», «О друзьях с улыбкой».

Произведения А. С. Кайкова неоднократно печатались в журналах «Охотничьи просторы», «В мире животных», «Муравейник», «Охота и охотничье хозяйство», «Российский колокол», «Современникъ», «Санкт-Петербург литературный», «Сибирский Парнас» и других изданиях.

Первым читателем и помощником в работе всегда была жена Наталия Ивановна. К сожалению, она ушла из жизни в 2013 году.

Творчество А. С. Кайкова разнообразно и многогранно. Среди его произведений можно найти исторические романы и повести, рассказы о современниках, юмор. Пройдя все жизненные университеты, он приобрёл способность находить новое и интересное там, где никто и искать не собирался. Большое место в его творчестве занимают рассказы о малочисленных народах Сибири, о животных и рассказы для детей.

Тундра и тайга – любимая среда писателя Кайкова, они привлекают непознанной красотой и духовной силой, восполняя целостную картину мира. Автор достигает подлинных высот, описывая суровый быт и отношения местных жителей.

«Охота – рыбалка – природа – книги. Наполненная жизнь, цельная натура», – так пишет его друг, биолог-охотовед, кандидат биологических наук Виктор Игнатьев.

В книгах А. С. Кайкова бездна юмора. Сюжеты его произведений, даже кажущиеся невероятными, – не выдуманы, герои не вымышлены. Он как бы дробит жизнь на маленькие, художественно прописанные эпизоды, похожие на маленькие бриллианты, которые, не разрывая общего ее течения,

наполняют сердца читателей радостью, восторгом и благодарностью к Писателю.

Возможно, подобных историй немало и в нашей жизни, только мы в суете их не замечаем и не умеем оценить. Только Художник способен увидеть их и показать нам под таким ракурсом, что остается только воскликнуть: «Ай, да Кайков! Ай, да!..»

Бытует утверждение: «Книги имеют свою судьбу, смотря по тому, как их принимает читатель. Судьба книг складывается счастливо, если их читают, любят и с нетерпением ожидают новых». Книги А. С. Кайкова дают пищу уму и сердцу.

Вот как пишет о творчестве А.С.Кайкова главный редактор издания «Литературная газета» М. А. Замшев: «Ваши произведения не только обогащают нашу библиотеку, но и создают живой и вдохновляющий контекст, который привлекает всё больше читателей как в России, так и за её пределами».

Недавно Альберту Сергеевичу был вручен знак «Золотое перо русской литературы».

В настоящее время Альберт Сергеевич Кайков, будучи увлечённым рыбалкой и охотой, путешествует; много пишет, с удовольствием встречается с читателями, принимает активное участие в работе творческих коллективов и готовит к изданию новые книги.

Валентина Самсонова.

Член творческого объединения
«Молодость»

В Югории у хантов

Автомашина мчалась по хорошей бетонной дороге, проложенной по лесотундре. По обе стороны простирались озёра и болота с участками низкорослых деревьев. Над водоёмами летали чайки. Некоторые сидели на гнёздах, устроенных на кочках недалеко от дороги. Постоянно попадались указатели поворота на второстепенные дороги к кустам скважин. Вдали стояли буровые вышки, горели факелы попутного газа. Иногда встречались нефтехранилища с огромными металлическими ёмкостями. Навстречу не попалась ни одной легковой автомашины. Редко проносились тяжёлые грузовые специализированные машины с надписью на борту «Нефтегазпром».

За рулём машины сидел Анатолий Самсонов. Он торопился в город хантов Ляントор, расположенный в девяноста километров от Сургута. Город расположен на берегу реки Пим, на территории одного из крупнейших в России нефтяного месторождения. Своё название получил от одноимённого названия озера, расположенного невдалеке. По берегам реки Пим были родовые угодья коренных жителей. В 1930 году, когда в России началась коллективизация и массовый перевод коренных жителей Севера с кочевого уклада жизни на оседлый, был создан колхоз имени М.И.Калинин, в который объединили все родовые угодья коренных жителей бассейна реки Пим. Так в 1931 году на левом берегу реки Пим появился национальный рыбацкий посёлок с одноимённым названием. Только через год о нём упоминается в документах. В 1978 году здесь стал возводиться посёлок нефтяников. В 1992 году посёлок получил статус города. Проживает в нём около сорока тысяч человек. Русское население составляет около половины жителей. В городе шесть школ, десять детских садиков. Градообразующим предприятием является «Ляントорнефть».

В Ляントоре должна состояться встреча с Валерием Яковлевичем Кантеровым, который обещал увезти меня в свои родовые угодья.

Валерий встретил нас около дома, в котором проживали его родители. Рядом стояла Нива. Он оказался сорока семилетним мужчиной среднего роста, крепкого телосложения. При рукопожатии чувствовалась сила человека, занятого физическим трудом. На нём была камуфляжная одежда. В дальнейшем я заметил, что это любимая одежда аборигенов.

Я пересел в его машину, и мы поехали в угодья, в которых давно мечтал побывать. Удивляло, что едем по хорошей бетонной дороге. Нас окружал описанный уже пейзаж с многочисленными скважинами и буровыми вышками. Мне не хотелось терять, зря время. Стал задавать вопросы:

– Далеко нам ехать?

– Шестьдесят километров.

– Большой участок ваших угодий?

– Сорок на тридцать километров.

– Не великоват участок для одного человека?

– Это угодья рода «Лося». Здесь жили, охотились и рыбачили мои предки. Первым поселился прадед Акапий Павлович. К сожалению, остались жить в угодьях два мои двоюродные брата и я. Молодёжь предпочитает работать на нефтепромыслах, чем заниматься традиционными видами промыслов.

Неожиданно для меня дорогу перегородил шлагбаум. Из будки вышел охранник, заглянул в машину, проверил багажник и поднял шлагбаум.

– Почему он не проверил документы? – поинтересовался я.

– У него есть список номеров машин, которые имеют право проезда.

– Чем вызван контроль?

– Были случаи вывоза ценного оборудования для сдачи в металлолом.

Вскоре бетонка закончилась, и мы поехали по песчаной дороге, тянущейся по сосновому лесу. «Нива» легко преодолевала глубокие колеи в песке, продавленные грузовыми машинами. Пейзаж резко изменился. Среди сосен просматривались полянки, покрытые мхом и ягелем, зарослями брусничника и черничника.

– Грибные места? – спросил я.

– Белых грибов много, только собирать некому.

Подъезжая к стойбищу, я заметил большую плюшевую игрушку медведя, подвешенную за шею на ветке сосны.

– Что это такое? – удивился я.

– Это мы повесили Джо Байдена.

– Почему?

– Он плохой человек. Вводит санкции против нашей страны.

Я продолжал удивляться: в глухи, за сотни километров от цивилизации, люди знают о международных событиях и по-своему на них реагируют.

Дорога вывела нас на кромку лесного массива. Впереди лежала болотистая местность с редкими участками леса, справа виднелось большое озеро. Проехав по гати, оказались на участке, огороженном по периметру жердями. Внутри размещалось несколько деревянных строений на

значительном расстоянии друг от друга. Валерий остановил машину около первого небольшого домика. «Это дом моего отца. Место для стойбища выбрал когда-то шаман моему прадеду Акапию Павловичу. В угодьях жили и промышляли его дети, внуки. Теперь вот живу я, его правнук и два моих двоюродных брата. С тех пор мой род «Лося» считает угодья родовыми – сообщил он и вышел из машины.

Это был не дом, а скорее избушка. Стены из брёвен высотой с его рост. Дощатая крыша в двух местах провалилась, некоторые доски сползли на землю. Входная дверь на много ниже его роста. Когда он вернулся, на него нахлынули воспоминания: «В старые времена глухари прилетали к домику. Мне рассказывали, что бабушка увидела в окно глухаря, взяла ружьё и стала к нему подкрадываться. Внуки уцепились ей за подол и шли с ней. Птица была не пуганая и подпустила на выстрел. Бабушка её добыла. Сегодня в угодьях глухаря не встретишь».

– Почему дом в таком состоянии?

– Когда отец умер, мы обязаны были покинуть его жилище и построить себе новое.

– Почему?

Такой обычай. В доме остался дух отца. Мы не должны ему мешать, заходить внутрь и что-то трогать. По обычаю, так же, если три года в своём доме не был, построенном в угодьях, надо строить новый.

Мы поехали дальше. Остановились на сухой торфяной площадке. На ней стояли две автомашины: «Нива» и «Жигули». Вокруг ни души. В пределах видимости стояло пять-шесть деревянных объектов. Валерий показал на один из них и сказал: «Это мой летний дом. Когда-то здесь было открытое место без деревьев, продуваемое со всех сторон. Люди и олени спасались от гнуса».

– У тебя есть еще и зимний дом? – спросил я.

– Каждый хантэ имеет два дома. Летний, где хорошо пасти оленей и зимний, где хорошо охотиться.

– Я слышал, что летом твой народ живёт в чумах около пастбищ и кочует вместе с оленями.

– Это было давно. Мы научились у русских строить избы, и они вошли в наш быт.

Дом стоял входными дверями на юг. Низкая дверь сверху была уже, чем снизу.

– Почему дверь не прямоугольная?

Валерий улыбнулся и пошутил: «Двери низкие, чтобы каждый входящий в дом кланялся хозяевам». Я знал, что низкие двери делают для сохранения тепла. На его шутку не отреагировал, а повторил вопрос.

– Когда дети выбегают из дома, они не закрывают дверь. Она сама захлопнется за ними.

Вероятно, дверь ещё и навешена не вертикально, – подумалось мне.

Валерий провёл меня по всем постройкам. На участке размещались лабаз, ледник, баня, туалет, складское помещение, костище, около которого стояли глинобитная печь и коптилка. Все строения размещались не менее пятидесяти метров друг от друга. К некоторым приходилось подходить по гатям из горбыля, проложенного по торфяному покрову. При наступлении на горбыли, между ними пропадала вода. В последнем помещении увидел зимнюю одежду повешенную на гвозди. Меня заинтересовала шуба на утиных шкурках. «Наши женщины умеют выделывать шкурки уток, сшивают их, и они служат подкладкой для зимней одежды. Покрывают сукном. Одежда получается теплой и лёгкой, носится тридцать-сорок лет – пояснил он. Всю одежду шьют и украшают так же женщины». Я обратил внимание на несколько поленец дров. В одной было около десяти кубов дров. «Пилить и колоть дрова входит в обязанности женщин, – пояснил Валерий. – Моя жена Софья владеет бензопилой не хуже меня. Лесничество выдаёт нам бесплатно порубочный билет на тридцать кубов дров в год».

Перед входом в дом, Валерий снял сапоги. Я последовал его примеру. Прихватив с собой подарки: пряники и конфеты, последовал за ним. При проходе через дверь пригнулся, но всё-таки ударился головой о верхний косяк дверной коробки. Предо мной предстала картина: на полу сидели две женщины. На них были яркие ситцевые платья, на головах такого же цвета косынки, прикрывающие часть лица. Позже я узнал, что женщины при посторонних и даже при свёкре обязаны прикрывать лицо платками. Старшая женщина была в носках, младшая босая. В качалке лежал шестимесячный ребёнок. По средине комнаты стоял низенький столик, накрытый едой. Никакой мебели. Только в одном углу стояла металлическая печь. Вдоль северной стены на ковре лежали скрученные постели. Пол покрывал линолеум. В бревенчатых стенах с восточной и западной сторон прорублены небольшие окна. На моё приветствие женщины промолчали. Валерий их представил: «Моя жена Софья, дочь Марина», и пригласил к столу. Я уселся на пол на свободное место около столика.

На столе лежал мягкий белый хлеб, выпеченный Софьей в глинобитной печи, печенье, конфеты, сахар, чай в пакетиках, варенье из брусники, клюквы

и миска с каким-то жиром. Около стола стояла большая кастрюля с отварными кусками диких уток и чайник с кипятком. Вилок и ложек не было. Валерий достал из кастрюли кусок утки и протянул мне. Софья поставила передо мной тарелочку для костей. Я сидел и ждал, когда хозяева начнут трапезу, чтобы последовать их примеру. Они дружно взяли в одну руку по куску утки, в другую кусок хлеба и начали поочерёдно откусывать. Хлеб периодически макали в жир. Пришлось последовать их примеру. Жир оказался утиным, собранным при варке уток. Во время чаепития удивлялся, что заваривают пакетики чая, как городские жители, тогда как вокруг много растений более полезных для заварки. Взять хотя бы кустики брусничники.

Поднимаясь с пола из-за стола, сказал спасибо. Все промолчали. Я подумал, что меня не услышали. Удивило то, что до сезона охоты на уток далеко, а мы ели утятину. Чтобы удовлетворить любопытство, спросил:

- У вас уже открыта охота на уток?
- В моём охотничьем билете написано, что на пернатую дичь для еды, кроме лебедей и журавлей, могу охотиться в любое время года. Конечно, я поступаю разумно. Самок и утят не стреляю. Мы ели селезней.
- Интересные случаи на охоте были?
- Каждая охота – это случай.
- Расскажи какой-нибудь?
- Сижу в скрадке на берегу озера. Жду пролёта уток. За спиной кустарник, дальше лес. Слышу сзади хруст ветки, обернулся. Ко мне подкрадывается меми. Вскочил на ноги. Стрелять дробью нельзя. Раненый зверь опасен. Выстрелил вверх. Медведица убежала.

2

После обеда Валерий предложил поехать на рыбалку. Он взял чехол со спиннингами, мешок, и мы отправились по натоптанной тропе среди кочек к озеру Энет-тор. В переводе означает Большое озеро. На воде стояла дюралевая лодка с подвесным мотором «Вихрь». Над озером кружились чайки, сверкая белизной в лучах яркого солнца. Невдалеке пролетела пара речных уток и скрылась за береговыми кустами. Им не нужен глубокий водоём.

- Много чаек, – удивился я, – видимо есть для них корм?
- Мы не любим чаек, они портят рыбу в сетях.
- Какая рыба водится в озере?

– Отец ловил и сдавал в приёмный пункт щук, язей, окуней. Я в прошлом году сдал восемь тонн язей.

– Богатое озеро.

– Садись вперёд за руль и рули», – предложил Валерий.

Я уселся на доску, лежащую поперёк лодки, которую на флоте называют «банкой», уцепился руками за руль и приготовился рулить. Валерий одним рывком шнура стартера завёл мотор, и лодка двинулась вдоль берега. Я решил отвести лодку дальше от берега и стал медленно поворачивать руль. Лодка не слушалась, продолжала двигаться в прямом направлении. Пришлось руль повернуть на больший угол. Лодка не отклонялась от курса. Повернув голову назад, увидел улыбающегося Валерия. Он в душе смеялся надо мной. В его руке был румпель подвесного мотора, которым управлялась лодка.

Лодка ткнулась носом в берег недалеко от небольшой речки, впадающей в озеро. Сойдя на берег, мы подошли к ней. Её ширина в устье была около десяти метров. Валерий достал спиннинг и стал бросать блесну. Поклёвка не заставила себя долго ждать. Пойманная щука оказалась весом больше килограмма. Вынуть блесну из пасти такой щуки не просто. Неопытный рыбак может поранить руки об острые зубы хищницы. Валерий разжал пасть специальным приспособлением и пассатижами вынул блесну. За считанные минуты он поймал трёх крупных щук. Четвёртым оказался приличный окунь. Он снял его с блесны и выпустил в воду со словами: «Ты нам не нужен». Во мне разгорелась рыбацкая страсть и я попросил: «Дай мне спиннинг, хочу рыбачить». Он достал из чехла второй спиннинг и протянул мне. Пока я его направлял и приспособливался забрасывать блесну, он продолжал вытаскивать щук. Мне удалось поймать одну щуку, когда Валерий заявил: «Нам больше рыбы не надо». Улов составлял семь щук, каждая из которых больше килограмма.

– Почему щука сосредоточилась в этом месте? – спросил Валерия.

– Она недавно отметала икру, проголодалась, начался жор.

Повторять свой вопрос не стал, а подумал, что щуки, видимо, ждут мелкую рыбёшку, скатывающуюся в озеро после икромёта.

Где - то вдали дятел отбивал морзянку.

– Весна будет продолжительной, если дятел стучит далеко, – произнёс Валерий.

– Сейчас конец мая, весна заканчивается.

– Это по календарю, в природе по-своему.

Он сложил рыбу в мешок, и мы отправились к лодке.

В стойбище Валерий вытряхнул щук в таз около летней кухни. Софья тут же взяла в руки нож и стала готовить рыбу к копчению. Коптилка представляла из себя металлическую бочку с крышкой, поставленную на кирпичи. Под бочкой развели огонь. В неё положили гнилушки и опустили две сетки с кусками рыбы. Головы щук Валерий унёс, видимо, в помойку. Тут же появилась ворона. Она летела прямым курсом к добыче. Назад возвращалась с головой рыбы в когтях. За несколько минут перетаскала все головы.

– Вурни умная птица. Похвалил Валерий ворону, назвав её на своём языке.

Ужин состоял из копчёной рыбы и чая. Марина, прежде чем сесть к столу, развела молочную смесь тёплой водой, налила в бутылочку для кормления ребёнка, вынула его из люльки и накормила. За всё время пребывания я ни разу не слышал его плача.

Меня заинтересовала люлька. Ребёнок находился в ней в полулежащем положении. Валерий произнёс: «Если рождается девочка, люльку делают из берёзы, если мальчик – из кедра.

При общении семейство говорили только на родном языке. Во время еды не разговаривали. Встав из-за стола, сказал громко: «Спасибо». Все вновь промолчали. Это меня озадачило. Решил выяснить у Валерия: не понимают русский язык или недовольны моим присутствием.

Под потолком висела электрическая лампочка. Электрический свет не зажигали, поскольку стоял период светлых ночей. Я поинтересовался у Валерия:

- От куда в этой глухи электричество?
- Когда требуется свет, завожу дизель генератор.
- Для зарядки телефонов приходится заводить дизель генератор?
- Телефоны заряжаем от аккумулятора автомашины.

Перед сном развернули постели. Они состояли из матраса, подушки и одеяла. Валерий и Софья расположились у западной стены, Марина с ребёнком у восточной. Мне предложили лежь посередине. Свободного места было ещё на несколько человек. Спать легли в верхней одежде. Дверь в дом не закрывалась. Дышать было легко, и я мгновенно погрузился в сон.

Когда проснулся, Валерия в доме уже не было. Женщины занимались своими делами. Пожелал им доброго утра, но они не прореагировали на моё приветствие.

Валерия застал за изготовление лодки долблёнки. Между его ног лежало толстое ошкуренное бревно. Оба конца были затёсаны как у индийской пироги. Он специальным топором вырубал средину дерева. Периодически сгребал с днища лодки крупные щепки и выбрасывал на дорогу.

- Доброе утро! – поздоровался я.
- Привет! Как спалось?
- Прекрасно. Из какого дерева лодку делаешь?
- Из осины.
- У нас принято делать из ветлы.
- У нас тоже. Не нашёл подходящей ветлы.
- Скажи, пожалуйста, я чем-нибудь обидел женщин?
- Почему ты так думаешь?
- Они молчат, когда благодарю их, выходя из-за стола.
- У нас не принято говорить «спасибо».
- Не отвечают на мои приветствия.
- Если люди живут вместе, здороваться каждое утро не принято.

Я присел на бревно и наблюдал за его ловкими ударами по днищу лодки, от которого откалывались тонкие кусочки дерева, как стружки. Работа ювелирная. Надо иметь чувство меры, чтобы не прорубить днище.

Утреннее солнце и лёгкий ветерок приятно ласкали лицо. Где-то куковала кукушка. Валерий отложил инструмент в сторону и присел на бревно рядом.

– Расскажи о традициях сватовства, как проходят свадьбы, о своём детстве и женитьба, – попросил я.

– Современное поколение молодых хантов не знают старых традиций, а если знают, то не соблюдают. Цивилизация, развитие нефтяных и газовых промыслов изменили жизнь и быт нашего народа. Моя дочь познакомилась с будущим мужем в техникуме. Он работает на нефтепромыслах, она пока воспитывает ребёнка. У них квартира в городе Ляントоре. Людей моего поколения еще коснулись традиции старины. Меня отдали учиться в нулевой класс школы посёлка Ляントор. Везли на оленях 60 километров. На дорогу уходил день. Летом возили на моторной лодке. Доплывали за два часа. Жил

в интернате. Первый год изучал русский язык. Родители забирали к себе только на каникулы. После шестого класса отец привёз в стойбище и сказал: «Больше учится не будешь, могу потерять сына, некому будет содержать оленей». У деда было семьдесят оленей, у отца десять. Держали их вместе. Отец занимался рыбалкой, олени нужны были для выезда. Я подрожал во весь отец и помогал ему. Научился охотиться, рыбачить, делать нарты, лодки. Когда подошло время жениться, родители стали искать невесту. Нашли в селении Туртым-Яун. Договорились с ее родителями и приехали за мной. Через несколько дней поехали за невестой. О чём говорили взрослые не помню. Я смотрел на невесту. Она мне понравилась. Помню, что пили много водки, забрали невесту и поехали домой. Вот так я стал женатым человеком. Первоначально жили в доме родителей, затем построили свой. В армию меня не взяли. Малочисленные народы призыву не подлежали. Прожили мы с Софьей несколько лет, родились дети, только через семь лет зарегистрировали свой брак.

— Интересная история.

— Сегодня поедем в соседние угодья рода «Бобра». Надо навестить сестру жены. Она там замужем. Её тесть долгожитель. Ему шестьдесят два года. Он расскажет тебе о наших древних традициях.

3

Мы выехали на двух автомашинах. Валерий, Софья и я на «Ниве», впереди на «Жигулях» Марина с ребенком. Песчаная дорога тянулась по сосновому лесу. Я любовался окружающей природой. Постоянно попадались полянки, заросшие ягелем и брусничником. Чистый лес без подлеска и валежника никак нельзя назвать тайгой. На одном из перекрёстков Валерий свернул налево, Марина умчалась прямо.

— Мы потеряли Марину — удивился я.

— Она поехала домой в Лянтор.

Дорога становилась всё менее наезженной. Машина остановилась на возвышенности, внизу до горизонта простиралось болото. Мы спустились вниз и побрали между кочек по воде. Я удивлялся как мои спутники находят невидимую тропу, чтобы не сбиться с нужного направления. На моховых кочках густо лежала прошлогодняя клюква. Не останавливалась, собирал её в горсть и ссыпал в рот. Приятный кислый сок утолял жажду. Я уже знал, что ханты эту ягоду называют «Пан». Перед нами взлетела белая куропатка и полетела прочь от незваных гостей. Пройдя около километра, на сухом пятючине увидели строения. Они с трёх сторон были окружены болотом, с четвёртой стороны примыкало озеро.

— Здесь живёт Рынков Алик Алексеевич с семьёй из рода «Бобра», — сообщил Валерий.

Меня заинтересовало большое озеро, и я спросил:

— Как называется озеро?

— Ват-ков-тор. Его длина восемь километров. Сюда можно попасть пешком через болото или на моторной лодке по озеру. У Алика стойбище было в другом месте. Рядом стали бурить скважины. Ему это не понравилось, и он выбрал место среди болота, думая, что сюда не скоро доберутся буровики.

Мы подошли к домику с двухскатной крышей. Это было летнее жилище. Стены выполнены из досок толщиной пять сантиметров. Рядом стояли три нарты. Невдалеке лабаз и туалет. Нас никто не встречал. Мы были, видимо, неожиданными гостями. Я ожидал, что нам навстречу выскочат знаменитые хантыйские лайки, но собак в стойбище не было.

В доме застали Алика Алексеевича, его жену и дочь с тремя детьми. Все сидели на полу и занимались своим делом: женщины рукодельничали, а девочки пяти и трёх лет держали в руках телефоны. Их отец был в отъезде. Валерий и я поздоровались за руку с Аликом. Валерий на своём языке рассказал ему, что мне хочется от него услышать.

Поскольку мы приехали без предупреждения, Софья привезла с собой в деревянном корытце утятину и копчёную рыбку, и поставила его около столика. Я выложил на стол конфеты и пряники. Хозяйка поставила на топящуюся печь чайник с водой. Все уселись на полу вокруг низенького столика. Ужин состоял из привезённой утятиной и копчёной рыбой. На столе лежала большая лепёшка хлеба. Хозяйка нарезала её длинными полосками. На моём лице, видимо, появилось удивление. Валерий перехватил мой взгляд и сообщил: «Она не умеет печь хлеб какой печёт Софья, печёт лепёшки». Вскоре выяснилось, почему лепёшка резалась длинными ломтиками. Когда стали есть утятину, все дружно макали кусочки лепёшки в утиный жир.

Обстановка в доме ничем не отличалась от описанной в доме Валерия, а точнее её вовсе не было. Меня удивило, что над головой виднелись стропила. Видимо для летнего домика потолок не обязателен. Печь постоянно топилась, а дверь не закрывалась.

После еды я подсел к Алику на ковёр около свёрнутых пастелей и стал задавать вопросы про старинные обычай хантов. Он не мог ничего интересного вспомнить. Кроме того, плохо владел русским языком. Валерий

это заметил, переговорил с ним на своём языке и сказал: «Он расскажет наши легенды, я буду переводить на русский язык».

4

Эта история приключилась давно. Тогда люди в Югории еще не имели огнестрельного оружия. Охотились и воевали с луками. Мужчины были смелыми и сильными. Среди них выделялись богатыри. Их называли мотданики, что означало сильный мужчина. Между хантами и манси часто возникали столкновения. Агрессивные манси нападали на стойбища хантов, забирали женщин, оленей и уводили в свои угодья.

В лесотундре жили два брата. Старший имел семью, младший недавно женился и поставил чум в дальнем углу родовых угодий. Чум старшего брата стоял в лесу на кромке тундры. Место удобное для охоты, а для оленей бескрайние пастбища. Приезжает как-то младший брат к старшему и предлагает поехать на охоту.

– Опасно покидать стоянку, – отвечает брат, – манси делали набеги на соседей.

– Я проделал длинный путь. Поедем на охоту, – второй раз попросил брат.

– Наше разногласие надо решить соревнованием.

– Каким соревнованием?

– Я надену кольчугу, отойду в сторону на расстояние полёта стрелы. Ты стреляй в меня стрелой с тупым наконечником, которой мы стреляем белок. Затем станешь ты. Кто окажется более метким, тот победит в споре.

Младший брат натянул тетиву лука и выпустил стрелу. Она попала брату в грудь. Он покачнулся и отступил назад на три шага. Затем стрелял старший брат, попал в грудь, но младший брат не сдвинулся с места.

«Ты победил», – сказал старший брат. Зашёл в чум, сообщил жене, что уезжает на три ночёвки. Затем запряг в нарты четырёх белых яловых воженок, и братья поехали осмотреть местность. Поднялись на холм и заметили невдалеке отряд манси. Враги их тоже заметили. Началась погоня. «Прыгай в снег и беги в лес», – сказал старший брат младшему. Оленем легче умчать меня одного». Тот на ходу спрыгнул с нарты, надел лыжи и побежал в лес. Несколько воинов бросились за ним. На пути встретилась толстая осина, преследуемый снял с плеча лук, достал из колчана стрелу и пустил её в дерево. Стрела пробила ствол и застряла в нём. Оперение не дало ей пролететь насеквоздь. Когда преследователи подошли к дереву и увидели стрелу, испугались. Стали совещаться. Решили преследование прекратить, чтобы сильный человек не перестрелял их.

Погоня за старшим братом длилась долго. Враги стали догонять и пускать стрелы. Одна стрела сразила воженку. Олени остановились. Каюру пришлось надеть лыжи и бежать в лес. Погоня задержалась у нарт. Они забрали оленей, затем начали по лыжне преследовать беглеца, но не догнали.

Манси поехали в пяту по следу беглецов, чтобы узнать от куда они приехали. След привёл к чуму старшего брата. Дома оказалась жена.

– Где твой муж? – спросил предводитель.

– На рыбалке.

– С рыбалки давно пора вернуться?

– Он старый, больной. Медленно ходит.

– Зато ты привлекательная женщина. Будешь жить в моём чуме.

Воины забрали оленей, имущество, женщину и отправились в свои земли. Она заметила в табуне трёх своих белых воженок и подумала: «Приключилась беда, четвёртой воженки нет». Отряд торопился уйти дальше от места грабежа. Только на пятой стоянке решили дать отдых оленям. Оленей пустили пастись. Триста воинов устроили привал, сделали жертвоприношение и в большом котле начали готовить мясо для пиршества.

Хантыйка обратилась к предводителю:

– Пойду посмотрю, как готовят мясо твои воины. Женщины в этом деле понимают больше.

– Сходи, но не вздумай бежать. Стрела летит быстрее.

– Хорошо, мой повелитель.

Она подошла к костру, над которым висел котел. Пожилой воин деревянной поварёшкой поворачивал куски оленины.

– Дай мне кусок мяса попробовать.

– Ты кто такая?

– Предводитель приказал.

Повар подал ей небольшой кусок. Она откусила и произнесла: «Несолёное. Сходи за солью». Когда он удалился, она насыпала соли в котёл. Вернувшись повар послал помощника за дровами. «Я тоже пойду за дровами», – произнесла Хантыйка и отправилась следом. Отойдя от лагеря, она свернулась в заросли и притаилась.

Тем временем в лагере начался пир. Воины расселись кругами в чумах и наслаждались молодой олениной. Яд быстро делал своё дело, и они падали

на пол с кусками мяса в руках. Возвратившийся с дровами воин увидел страшную картину. Лагерь опустел. В каждом чуме лежали трупы. Он испугался и убежал на лыжах в лес.

Хантыйка вернулась на стоянку и увидела результат дела своих рук. Она издала крик, которым призывала своих оленей. Важенки услышали её и прибежали на зов. Она запрягла их в нарты и поехала прочь. Олени бежали легко по снегу, утоптанному табуном оленей манси. Ей повстречался человек, идущий на лыжах в доспехах и с луком. Это оказался её муж, шедший разыскивать жену. Жена рассказала ему о случившемся. Не забыла сказать, что один человек сбежал. Они вернулись в стойбище манси. Муж пошёл по следу беглеца. След зашёл в лес. Он обошёл лес и увидел выходной след, который привёл его к новому лесному массиву. Пришлось обойти и этот лес. Так повторялось три раза. За третьим лесом увидел шатающегося от усталости человека, идущего на встречу. Крикнул ему. Тот бросился бежать. Пришлось его ранить стрелой. Подойдя к нему, сказал:

– Вы бандиты. Украдли мою жену, оленей и убили брата.

– Брат твой жив. Мы гнались за ним, но увидев простреленную лиственницу, преследование прекратили.

Эта новость обрадовала его. Раненого пришлось пристрелить, чтобы не привёл новый отряд манси.

Муж с женой забрали всех оленей манси и погнали в свои угодья. По дороге встретили младшего брата. Встреча была радостной и трогательной. Вместе вернулись в свои угодья. Их потомки до сих пор проживают в родовых угодьях.

5

Муж и жена Молтановы сидели в доме за столом и пили чай. На ней было яркое ситцевое платье, на нём лёгкая рубашка. В одном углу дома трещали в печи дрова, в другом углу лежали доспехи и оружие. Ничто не предвещало неприятностей, тем более нападения на них. Во дворе ветер раскачивал сосны, и они, ударяясь ветками, создавали привычный шум. Жена произнесла:

– Я слышу шорох под окном.

– Это ветер шумит в деревьях.

– Мне кажется кто-то ходит около дома.

– Ветка упала с дерева.

Жена третий раз предупредила мужа, но он не отреагировал на её беспокойство. В это время за дверью раздался крик: «Сдавайтесь, выходите из дома». Одевать доспехи было поздно. Муж выскочил через окно и побежал к озеру. Нападающие бросились за ним. Добежав до проруби, нырнул в неё. Все столпились на льду и стали ждать, когда вынырнет. Он же превратился в щурогайку – небольшую щуку и спокойно ожидал подо льдом, когда преследователи удалятся. Жена тем временем спрятала доспехи и оружие в условное место.

Три дня манси ждали, когда вынырнет беглец. «Он утонул, – заявил предводитель, – пойдёмте в дом».

Манси забрали жену, оленей и двинулись в путь.

Тем временем муж вернулся в дом, нашёл доспехи, лук и стал преследовать грабителей.

На третьей ночёвке пленница услышала сигналы, подаваемые мужем. Она пошла в ближайшие кусты и встретилась с ним. Он сказал: «Предводителю испорти кольчугу и подрежь тетиву лука. Сама постараися сбежать».

Утром пленница предложила:

– Надо сходить в лес и набрать древесных грибов для курения. Дальше тянется тундра, там грибы не растут.

– Ты знаешь где они растут?

– Конечно, знаю. Дайте упряжку оленей, и я привезу грибы.

Ей запрягли трёх ворованных оленей и с одним воином отправили в лес.

Муж узнал своих оленей, на которых ехала жена и воин. Метким выстрелом из лука сразил воина.

Посланцы за грибами долго не возвращались. Предводитель послал вторую упряжку важенок с двумя воинами. Она также долго не возвращалась. Тогда послал третью упряжку. Воины на третьей упряжке не вернулись к ночи. Утром у входа в чум послышался громкий голос: «Выходите на бой».

Воины по одному выскакивали наружу. Отменный лучник расстреливал их как на состязании. Оставил в живых только женщин и несколько молодых парней для ухода за оленями. Они сдались в плен. Общими усилиями собрали всех оленей и погнали домой.

Род Молтоновых до сих живёт в Югории. Занимается оленеводством и охотой.

Когда Алик закончил повествование, время подошло ко сну. У северной стороны дома раскрутили пастели, и все вповалку улеглись спать. Меня разбудил луч солнца, проникший через узкое окно с восточной стороны дома. Хозяйка стояла около плиты, по комнате распространялся приятный запах варёной рыбы. Я поднялся на ноги и по привычке произнёс: «Доброе утро». На моё приветствие никто не ответил. Сразу вспомнил слова Валерия, что у них не принято здороваться, если люди живут вместе. Вышел на улицу, обошёл стойбище, вдыхая свежий утренний воздух с ароматом леса, торфа и тундры. На воде стояла лодка, видимо, Алик успел сплавать на рыбалку.

Завтрак состоял из отварных окуней и чая. К чаю были конфеты, сахар, сгущённое молоко, печенье, сушки. Окуни были настолько крупными, что мне хватило половины, чтобы насытиться. На прощанье сфотографировались на крыльце, и мы отправились через болото к машине, по той же тропе, по которой пришли. Я удивлялся, что не было гнуса. Видимо, ещё не пришла его пара. Около машины Валерий сообщил: «Поедем в Ляントор к моей маме Галине Николаевне.

Лесная дорога вывела нас на широкую просеку, и машина легко покатила по бетонной дороге. Через час мы уже были в городе, построенном нефтяниками. Для местных жителей построен большой квартал современных домов. В него переселяли всех желающих покинуть свои угодья, в которых велась добыча нефти и газа.

Мы поднялись на второй этаж и оказались в просторной квартире площадью сто квадратных метров с современной обстановкой. Нас встретили мать Валерия Галина Николаевна и его дочь Марина с ребёнком на руках. Мужа Марины не было дома. Он работал на нефтяных промыслах. Валерий представил меня маме и попросил её рассказать мне о своей жизни.

Она была невысокого роста, худенькая с фигурой подростка. Несмотря на шестьдесят шесть лет лицо не потеряло привлекательности. Мы прошли в её комнату и присели на диван. Она заговорила тихим приятным голосом:

- На диване и стуле сидеть неудобно: ноги устают. Спать ложусь на полу.
- Это, наверное, вековая привычка предков.
- Возможно. Я не знаю, что вас интересует.
- Расскажите о своём детстве, о жизни.

– Не хочется вспоминать. Тяжёлая была жизнь. У меня сын и дочь. Смотрю на них и радуюсь. Имеют квартиры, машины, обеспечены для жизни всем.

– Где вы родились? – Задал я вопрос, чтобы втянуть её в разговор.

– Родилась я в чуме на берегу реки Туфтин-янв в сентябре, а отец утонул в мае. Так что я не видела своего отца. Жила с мамой в поселке Пим. Мама вышла второй раз замуж. Отчим ко мне относился очень плохо. Мама умерла, когда мне было двенадцать лет. Меня взял к себе дядя – старший брат отца. Когда подросла нашёл жениха и выдал замуж. Мужа звали Яков Александрович. Его нет уже шесть лет. Он был хорошим рыбаком. Рыбу ловили неводом на Оби. На лодке заводил невод, а я шла по берегу с верёвкой, удерживая прибрежный конец. Рыба попадалась разная. Бывали и осетры. Улов возили на лодке в Сургутский рыбокомбинат. Однажды попали в сильный шторм. Я привязала маленького сына к себе, чтобы были вместе, если утонем. Мужу удалось справиться с высокими волнами, и мы остались живы. Был и другой случай: ездили на лодке с подвесным мотором «Вихрь» за продуктами. Муж выпил и на обратном пути заснул в лодке. Мне пришлось сесть за руль. В какой-то момент мотор заглох. Сколько не билась завести не могла. Разбудила мужа. У него силы было много. Он с первого рывка шнуром стартера завёл мотор и улёгся продолжать спать.

Однажды поплыли сдавать бруски. Приёмный пункт находился в посёлке Тундрино, на Оби. Надо было спуститься по Пиму, затем плыть по Оби. На обратном пути у мотора «Москва» потерялась искра. Пришлось лодку тянуть бичевой. Добирались домой десять дней.

Много в молодости было всяких приключений. Мне приходилось ездить на снегоходе, управлять оленями. Был такой случай: нарты сломались. Пришлось вместо них привязать оленю шкуру и лечь на неё. Все кочки по пути били по бокам и спине.

Муж, как и все, любил выпить и быстро пьянел. Через шесть лет, после рождения сына, родила дочь. Муж сказал: «Больше пить не буду». Слово своё держал, до конца жизни водку в рот не бра. У дочери четверо детей. Современная молодёжь грамотной стала, понимает, что водка сокращает жизнь. Многие её в рот не берут, мой Валера тоже не употребляет.

Весной, когда начинался отёл важенок, жили в чуме вблизи стада. Олени очень умные животные. Когда отыкают, один-два оленя не спят, охраняют табун. Если олень заболел, он уходит из табуна. Однажды зимой ехали на нартах и попали в пургу. Ориентиров нет, не знаем куда ехать. Муж дал свободу оленям. Передовой олень вывел упряжку к дому.

Нашу беседу прервал звонок моего телефона. За мной приехал Анатолий Самсонов, чтобы увезти в Сургут. Меня вышел провожать Валерий. Мы дружески простились.

7

Путь в Сургут был по знакомой уже дороге. Анатолий спросил:

– Поездка в угодья была успешной?

– Вполне. Меня удивил Валерий. Он эрудирован, очень начитан. Любит стихи. В телефоне забиты стихи Тютчева, Пушкина, Мандельштама и других поэтов. Речь интересная и образная. Никогда бы не подумал, что у него всего шесть классов образования.

– Сегодня пытливый человек через интернет может получить любые знания.

– Это так. У каждого ханта, даже у детей, я видел в руках сотовые телефоны. Мне рассказали хантыйские легенды и у меня появились вопросы.

– Какие вопросы?

– Ханты и манси родственные народы. Языки схожи. Почему в старые времена воевали между собой.

– На первый взгляд это родственные народы, их трудно различить. Похожи они и внешне: низкий рост – до 160 сантиметров, выраженные монгольские черты, чёрные волосы. Язык хантов и манси относится к одной группе – финно-угорской и близок к венгерскому. Несмотря на общую историю, у двух народов есть одно важное отличие: манси по природе были кочевниками и в основном занимались оленеводством, а ханты проживали в тайге, их основным промыслом была ловля рыбы и охота. Но всё-таки это два разных народа.

– Почему?

– Манси пришли из степей Казахстана. Первоначально жили на Урале и его западных склонах. У них были свои князья с дружинами. В одиннадцатом веке воевали с новгородцами, но постепенно их вытеснили в Зауралье. Основное жильё у манси было – чум. Самоназвание народа – манси означает «человек».

Ханты относятся к потомкам угров, которые также пришли с юга – из степей Казахстана. Их народ образовался от смешения пришлых угров с аборигенами. Они называли себя – хантэ, что означало – человек.

За разговорами время пролетело быстро. Мы подъезжали к Сургуту.

Город основан в 1594 году на правом берегу Оби. В настоящее время в нём проживает около четырёхсот тысяч человек. Город занимает третье место в рейтинге городов, вносящих наибольший вклад в ВВП России. Экономика города связана с добычей нефти и переработкой попутного газа.

В городе работает государственный университет, 110 дошкольных учреждений, 55 школ, 5 гимназий, много гостиниц и развлекательных учреждений.

На следующий день я улетал в Новосибирск. Под крылом самолета простирались бескрайние просторы болот, лесов и озёр.

Путь от землянки до квартиры

В очередной приезд в Сургут, я позвонил Валерию Канторову. Мы планировали съездить к его родственникам, проживающим в таёжной зоне. Меня интересовали истории на охоте, которые с ними случались. «В этом году очень большой паводок, — сообщил он, — водой залиты огромные пространства суши. На машине проехать невозможно. Если хочешь, я познакомлю тебя с родственницей, проживающей в Сургуте. Она интересный человек и хороший собеседник».

Я согласился. Через день мы встретились в одном из кафе гипермаркета Аура. Людмила Николаевна Каюкова оказалась очень приятной женщиной пенсионного возраста с хорошо поставленной речью. Низкий рост её сильно молодил. За обедом умела пользоваться ножом и вилкой. Она преподает английский язык в техникуме. Наши фамилии очень звучны, но мы не родственники. Мне известна моя родословная с времён Петра Первого. Когда речь зашла о предках, она предложила пройти к ней домой и поговорить в более уютной обстановке.

Её квартира располагалась в многоэтажном доме недалеко от гипермаркета. Меня приятно удивил дизайн квартиры со вкусом подобранный мебели. Сидя на мягким диване, я задавал интересующие меня вопросы.

Ранним утром по притоку Большой Югана поднимались вверх по течению два обласка, выдолбленные из стволов толстых деревьев. В одном сидел Иван Каюков, во втором его сын Дмитрий. Отец широкоплечий, коренастый, невысокого роста. Он родился в конце девятнадцатого века. У него было девять детей: семь сыновей и две дочери. Старшие сыновья давно женились и жили отдельно. Младший Дмитрий не по годам высокий и стройный.

Стоял период белых ночей. Солнце закатывалось за горизонт всего часов на пять и вновь появлялось над земным шаром. Оно давно уже взошло, но тёмные тучи, заполонившие восточную часть небосвода не пропускали его лучи. Иван торопился до непогоды проверить морду, поставленную на притоке реки. Он периодически поглядывал на сына. Двенадцатилетний мальчик умело управлял долблёнкой. Его весло без брызг поднималось в воздух и сделав полукруг без всплеска опускалось в воду, толкая обласок по прямой линии. «Хорошим рыбаком вырастит», — подумал отец и перевёл взгляд на берег, на котором сплошной стеной стоял сосновый лес. По небу ветер гнал тёмные тучи. Вдали мелькнула молния и послышался раскат грома.

— Плыём к берегу, — произнёс отец и направил облас к песчаной косе.

Они сошли на берег и оттащили лодки от воды. Отец протянул сыну топор и нож со словами:

— Отнеси под куст.

— Зачем? — удивился сын.

— Будет гроза, металл притягивает молнии. Топор и нож я в молодости выменял у купца. За нож отдал восемь шкурок соболей, за топор двенадцать. Тогда подумал, что купец глупый. За сезон смогу добыть в несколько раз больше соболей, а ножом и топором буду пользоваться всю жизнь.

Когда Дима вернулся, дождь начал накрапывать. Им пришлось улечься на траву и перевернуть обласки на себя. Дождь начал барабанить по днищам, а затем полил потоком. В укрытии было сухо и уютно. Под шелест дождя Дима начал засыпать. Неожиданно раздался сильный грохот и треск поваленного дерева. Он испугался и спросил: «Папа, что это такое?» «Молния сразила дерево».

Дождь прекратился. Ветер угнал дождевые тучи. На небе появилось яркое солнце, согревая теплом округу. Над землёй колыхалась испарина, которую уносил ветер, чтобы где-то она вылилась дождём. Опрокинув обласки на днище, отец и сын поднялись на ноги. Окружающий пейзаж изменился. Одиноко стоящая берёза оказалась сломанной и расщепленной. Её комель, оставшийся на корню, тлел и дымил.

— Дима, — обратился отец к сыну, — запомни это место.

— Зачем?

— Через семь лет приплыви сюда и поищи клад около сломанной берёзы.

— Почему через семь лет?

- Так советовали наши предки.
- Почему ты думаешь, что там будет клад?
- Молнию притягивает металл.
- Ты находил когда-нибудь клад?
- Находил один раз монету с изображением Екатерины Второй.
- Одна монета не клад.
- Видимо, кто-то раньше нашёл клад.

В это время не вдалеке послышался громкий голос кукушки. Она словно обрадовалась хорошей погоде и начала отсчитывать то ли кому-то годы или дни. Она отвлекла Диму от разговора с отцом, и ему захотелось задать ей вопрос. Он успел произнести слова: «Кукушка, кукушка сколько», как отец остановил его:

- Никогда не спрашивай у кукушки сколько лет проживёшь.
- Почему?
- Она скажет мало, ты будешь переживать. Это может кончиться плохо.

Рыбаки стащили на воду лёгкие обласки и продолжили путь. Иван смотрел на обгоревший ствол сломанной берёзы и думал: «Хорошо, что шёл дождь и не дал возникнуть пожару». После дождя в воздухе чувствовался аромат тайги, деревья стояли умытые тёплым весенним дождём, с листьев осин и берез стекали капельки влаги.

Иван направил облас к устью ручья, Дима последовал за ним. Ручей перегораживал забор из кольев, вбитых в илистое дно. В центре частокола стояла морда. Весной рыба по ручью поднимается на заливные луга для икромёта. Отметав икру, она скатывается по ручью в реку. Вот в это время Иван ежегодно и ставит здесь морду. Она сплетена из лозы с таким расстоянием между прутьями, чтобы в ней оставалась только крупная рыба. Улов был ожидаемым. Попались язи, окунь, щуки. Высыпав из морды рыбу в облас, Иван поставил снасть на прежнее место. Его лодка сильно просела под тяжестью улова.

Они возвращались вниз по течению. Река подхватила лёгкие судёнышки и понесла их на своих плечах. Рыбакам оставалось только рулить веслами и удерживать нужное направление. Дима смотрел в лодку отца, в ней били хвостами и подпрыгивали крупные щуки. Он радовался улову и представлял, как родичи будут восхищаться и разбирать рыбу.

Их путь лежал в юрту Каюковых. У Юганских хантов юртой называется участок, на котором построены жилища. Это был не единственный стан Каюковых. Их многочисленные родственники проживали по рекам на обширной территории. За ними до сих пор сохранилось название — юганские ханты. В тридцатых годах прошлого века советская власть пыталась объединить охотников в колхоз, многие семьи откочевали в глушь на реки Большой и Малый Салым, чтобы не менять традиционного уклада жизни. Пимские ханты, которые занимались в основном рыбной ловлей не сопротивлялись объединению в колхоз, поскольку они и раньше часто объединялись в артель при рыбалке неводами на Оби.

3

На правом возвышенном берегу реки показалось селение. Восемь изб стояли на фоне соснового бора. Их двери были обращены к реке. Рыбаков, возвращающихся с рыбалки, уже ждали. Когда обласок Ивана ткнулся носом в берег, его подхватили крепкие руки и до половины вытащили на берег. Женщины и дети радовались хорошему улову, каждый брал рыбу сколько ему надо и нёс к своей избе. По обычаям, хантов уловом и добычей надо делиться с роднёй. Иван заметил, что за рыбой не пришла бабушка из дальней избы. Он взял крупную щуку и протянул сыну со словами: «Отнеси бабушке». Жена Ивана забрала оставшуюся рыбу и понесла к летней кухне, чтобы приготовить юколу — вялено сушёную рыбу.

Изба бабушки отличалась от других. Она была построена ещё в девятнадцатом веке. Тогда ханты строили полуzemлянки. Выкапывали прямоугольную яму глубиной до метра. В углах ставили столбы, связывали их сверху брёвнами и каркас готов. Стены делали из брёвен или жердей и засыпали землёй, крышу односкатной из жердей. Укладывали на них бересту, насыпали торф и укладывался дёрн. В центре помещения горел очаг, который использовался для обогрева и приготовления пищи. Дым выводился через деревянную трубу, которую делали из дерева, удаляя сгнившую сердцевину. Остальные избы построены по русскому образцу. Стены из брёвен рублены в лапу. Швы законопачены мхом. Строительство таких домов ханты позаимствовали у русских, которые в этих местах начали появляться с семнадцатого века. Со временем в таких домах стали появляться металлические печи, а позже кирпичные. Около каждой избы виднелись хозяйственные постройки: лабаз, амбар, ледник, туалет, глинобитная печь, кострище, олений дом с загоном.

Каждая семья имеет свой табун оленей. В лесной зоне большие табуны не держат. Хозяева используют их только как транспорт. Забой на мясо непозволительная роскошь. Основное занятие жителей: рыбалка и охота. У них нет возможностей пасти большой табун. Весной оленей отпускали

вольно пасть. Иногда на шею привязывают колокольчик, чтобы отпугивал диких зверей и легче их было найти. Ночью олени пасутся. Когда наступает жара и начинает беспокоить гнус, они приходят в олений дом, около которого обычно хозяева разводят дымокур. Кровососы плотным слоем садятся на губы и веки животных. Каждый олень старается подойти к дымокуру и сунуть голову в дым.

Иное дело в лесотундре и тундре, где олень служит основным средством пропитания. Здесь добыча рыбы и зверя служит подсобным занятием. Содержание большого количества оленей требует непрерывного надзора, постоянных перекочёвок на новые пастбища. Многотысячные табуны передвигаются по древним путям миграции диких оленей. Весной на север к берегам Северного ледовитого океана, где хорошие пастбища, прохладнее, а ветер отгоняет гнус от животных. Осенью на юг в лесотундру, где теплее и меньше толщина снежного покрова.

Большое семейство Каюковых относится к Юганским хантам. Их родовые угодья расположены по берегам рек Большой Юган и Малый Юган, а также на их притоках. Их стойбища — юрты разбросаны на территории больше некоторых государств. В юрте проживает одна или несколько родственных семей. Большой Юган протяжённостью более тысячи километров берёт начало в Васюганских болотах и впадает в Обь. Долина реки входит в зону тайги с большими массивами кедрового и елового леса. Местные жители называют их урманами. Вдоль основного русла тянулись сосновые массивы. По берегам водоёмов растут осины, берёзы и кустарники. Местность равнинная с множеством болот и озёр. Местные жители испокон веков занимались охотничьим промыслом, рыболовством и сбором дикоросов. Здесь растут клюква, брусника, морошка, черника, голубика, разнообразные грибы

Когда-то это был край дремучих лесов, царство непуганных зверей и птиц, непроходимых болот.

4

Я не ставлю перед собой цели описывать сражения и завоевание Югорских земель. Вхождение княжеств Нижнего Приобья в состав Московского государства относится ко второй половине шестнадцатого века. Оно носило номинальный характер и первоначально ограничивалось уплатой дани: одного соболя с каждого человека. После присоединения богатых земель к России, в Сибирь ринулись торговые и промышленные люди. Путь через Уральские горы, которым пришёл Ермак, был очень трудным. Они предпочитали добираться водным маршрутом. Нелёгкий путь из Поморья в Обскую губу, а затем по Оби и её притокам часто заставляли

торговых и промышленных людей оставаться в Югорских землях надолго и жить не одну зиму. Они строили острожки с добротными домами для длительного проживания. Эти острожки стали местами торга, где шёл обмен русских товаров на сибирскую пушину.

Постоянное общение русских с местными жителями взаимно обогащало обе стороны. Они учились общаться, взаимно осваивали языки. Привозимые русскими металлические изделия: наконечники стрел, ножи, топоры, а позже огнестрельное оружие, помогали совершенствовать приёмы охоты. Русские люди научились использовать для езды оленей и собак, заимствовали приёмы охоты.

На самом деле поморы осваивали эти территории еще в конце пятнадцатого века. Они на кочах добирались в Обскую губу. В 1601 году на реке Таз в месте впадения в неё реки Осетровой было основано поселение Мангазея, ставшее центром торговли. Пушнина была ценным товаром для купцов. Вслед за русскими купцами в Мангазею стали приходить иностранные суда. Пушнина без пошлины упывала за границу. За Мангазеей закрепилось название «златокипящая». Это был богатый торгово-купеческий город.

После царского указа Бориса Годунова, запрещающего вывозить пушину морским путём, город постепенно приходил в упадок и после пожара сказочный город исчез: жилые дома, церковь, причал, торговая фактория, а затем и как историческое и географическое понятие. Его поглотила тундра и вечная мерзлота. Несколько веков не могли найти место его расположения и стали считать легендарным городом — никогда не существовавшим, просто выдуманным в народной памяти национального фольклора. Только в двадцатом веке геологам и археологам удалось найти артефакты, доказывающие существование и место нахождения Мангазеи. Новосибирские учёные даже составили карту бывшего города.

5

Пролетело северное лето с дождями и грозами. Температура наружного воздуха стала опускаться ниже нуля. Берёзы и осины сбросили свой наряд и стояли в стыдливой ногате, а рябины и калины гордились урожаем, привлекая яркими ягодами любителей полакомиться их плодами. По ночам заморозки сковывали землю и мелкие водоёмы. Перелётные птицы: утки, гуси, лебеди покинули родные места. Приближался сезон зимней охоты.

Дима радовался такой погоде, и с нетерпением ждал, когда выпадет первый снег, и он с отцом поедут охотиться на пушного зверя. Он уже проверил лук и стрелы.

Иван прежде, чем отправляться на зимний промысел, решил посетить священное место и попросить у верховного божества Нум Торума удачи на охоте.

Одно из священных семейных мест югорских хантов находилось на правом высоком берегу притока Большого Югана – Негусъях. Здесь в древние времена находилось селение. От него остались только провалы от землянок. Никто не помнит, какие люди здесь проживали и почему покинули удобное для жизни место. Река богата рыбой, в хвойном лесу водится разнообразная дичь. К сожалению, по традиции хантов на территории священных местах нельзя охотиться и рыбачить.

Сегодня почти каждая семья хантов имеет снегоходы. В начале прошлого века олени и собаки были главным средством передвижения.

Иван с сыном запрягли в две нарты по три оленя. В качестве жертвоприношения отец взял беличьи шкурки, оставшиеся от прошлого сезона. Он считал, что если духи примут его жертвоприношение, то зимний сезон охоты будет удачным. Мать дала Диме несколько ленточек, чтобы он развесил на ветки святого дерева. Каждая ленточка была даром от членов семьи духам, у которых они просили исполнения своих желаний.

Нарты юганских хантов отличались от общепринятых размеров. Они делались уже, чтобы не задевали деревья при езде по лесу. Расстояние от юрты до реки Негусъях они преодолели за один переход. На развесистой берёзе, с почерневшим внизу стволом, стоящей вблизи одного провала, висели ленты и кусочки тряпиц. Девушки приезжали к этой берёзе, чтобы выпросить женихов, женщины – детей, старухи – смерти. Люди здесь просили удачи, счастья, и хоронили обиды. Отец положил свой дар на землю, сделал три оборота по ходу солнца на триста шестьдесят градусов, поклонился, и стал просить духов принять дар и помочь ему в зимней охоте. Ханты считали, что если Верховный бог и другие духи прислушаются к просящему, то подарят ему здоровье, сохранят стада оленей, пригонят рыбу в сети, зверя в капканы.

Природа составила для хантов график трудовой жизни.

В июле – августе надо заготавливать ягоды. Чернику и голубику брали для еды. А вот бруснику и клюкву собирали впрок. Хранили в берестяных ёмкостях до следующего урожая, заливая водой.

В августе – сентябре наступал период сбора кедровых шишек. Сегодня за орехами едут на вездеходах в труднодоступные места. Умельцы залезают на деревья и сбивают шишки шестами. Иногда бьют по стволу колотом, чтобы осыпать шишки, хотя этот метод запрещён. В первой половине прошлого века хантам не надо было торопиться добывать шишки. Они ждали ветра.

При сильном ветре деревья раскачивались, ветки ударялись друг о друга и шишки градом сыпались на землю. Людям оставалось только ходить под кедрами и собирать их дары. Запастись кормом на зиму стремились белки и бурундуки. Не отставали от них кедровки и ронжи. Они умело выклёвывали орешки из шишек и отлетев в сторону прятали под моховым покровом, создавая кладовые. Некоторые места захоронения забывали и там вырастали молодые кедры. Кедровыми орехами не пренебрегали многие звери и птицы. Для медведей это был период жировки. Если белки расщелкивали орехи и поедали только зерно, то медведи ели вместе с кожурой и чешуёй, оставляя после себя под кедром только оставы шишек.

В октябре — ноябре начиналась охота на пушного зверя. Охотники ждали, когда зверьки полностью вылиняют и покроются зимним мехом.

6

После поездки к святому месту, Иван распряг оленей и повёл к месту, где обычно паслись его олени. С ним пошёл Дима и увязались собаки, увидев, что хозяин отправился в лес с ружьём на плече. Ханты никогда не ходят в тайгу без оружия. Оленей на месте не оказалось. Они уходили с пастбища большими прыжками. Это озадачило Ивана. «Кто-то напугал табун», — подумал он и стал осматривать местность. Вскоре увидел остатки съеденного оленёнка и следы медведя. В нём закипела злоба и страсть охотника. «Надо найти и наказать, иначе он может прийти ещё», — подумал Иван и подозвал собак. Они взяли след и помчались по нему. Отец с сыном поспешили за ними. Медведь не успел уйти далеко, улёгся переваривать съеденное мясо. Собаки с лаем набросились на него. Он прижался задом к толстому дереву и отмахивался от них передними лапами, как от назойливых мух. Зверевые лайки знали, что близко к зверю подходить нельзя, надо удержать зверя до прихода хозяина. Иван прибежал на лай собак запыхавшись. Собаки стали лаять агрессивнее. Сразу стрелять не стал. Надо успокоить дыхание и выбрать удобный момент. Когда дыхание успокоилось произнёс слова: «Петя пупи!», что означало — здравствуй медведь. Раздался выстрел, пуля попала зверю в левый бок. Он повалился на лесную подстилку, собаки вцепились ему в горло и шею.

— Беги сынок в юрт, скажи, чтобы приезжали на нартах за тушей.

Медведи редко нападают на домашних оленей. Около них всегда есть запах человека и собак. Инстинкт и опыт подсказывают им, что в таких местах лучше не появляться. Рисуют поживиться олениной только больные или сильно голодные звери. В том году урожай на кедровые шишки был плохой. Медведица за лето не успел набрать достаточно жира, чтобы провести зиму

в берлоге, родить и выкормить медвежат. Ей необходима была калорийная пища.

В легендах хантов говорится, что медведь принёс людям огонь, а от медведицы родилась первая женщина, которая стала основателем человеческого рода. Тем не менее охота на медведей не запрещалась. Охотник сумевший в противоборстве победить медведя, считался героем в селении. В другой легенде говорится, что медведь был младшим братом Бога Торума. Поэтому он сильный и ловкий. Бог отправил его на землю и просил не разорять селения и не убивать оленей. Медведица нарушила этот наказ. Поэтому на неё обрушилась кара. Охотники имели право убивать медведей за непослушание. Душа же их оставалась бессмертной и возвращалась к Торуму.

Первоначально добыча медведя была праздником для семьи или селения, как возможность воспользоваться большим количеством мяса. На праздник собирались все жители селения, соблюдая обычай и ритуалы. Люди восхищались добытым зверем, перекладывали вину за убийство на ружьё. Затем варили и поедали мясо. Постепенно праздник приобрёл общенациональное значение. Его проводят в крупных поселениях и городах. Устраивают театральные представления с переодеванием в разные костюмы, сопровождаемые музыкой, пением и танцами. Во время праздника устраивают ярмарки, концерты, различные состязания. Об угощениях медвежатиной никто не думает. Праздник сохраняется как средство презентации своей культуры.

Когда Иван заканчивал свежевать тушу, раздались голоса соплеменников, подъезжающих на нескольких нартах.

Шкуру с головой и лапами «посадили» на нарту. Мясо медведя везли на двух нартах. Когда подъезжали к стойбищу с добычей, оповестили домашних четырьмя выстрелами. Это означало, что везут медведицу. При добыче медведя производят пять выстрелов.

В стойбище уже всё было готово к празднику: горели костры, над ними висели котлы с водой.

Шкуру медведицы растянули на земле. Положив голову на передние лапы. На голову надели женский платок, украшенный бисером, на глаза положили монеты. Праздник начался с «отречения», во время которого охотник и несколько мужчин обратились со словами, что они не виноваты в её смерти. Иван первым произнёс: «Ты нарушила запрет «отца» не трогать оленей. Моё ружьё выстрелило в тебя». «Это ружьё стреляло в тебя», — подтвердил брат Ивана.

Затем следовали «медвежьи» песни, рассказывающие о происхождении медведя. Дальше исполнялись «призывные песни», в которых призывались божества помочь в промыслах. Это священная часть праздника. Ханты кроме основного бога Нум-Торума почитают и других богов, которые выполняют разные функции. Старший сын главного бога Полум-Торум ведает рыбой и зверями, другой сын является покровителем оленевых табунов. В промежутках между песнями поедалась медвежатина.

Потом начиналось представление в масках бытового и юмористического содержания, исполнялись танцы зверей и птиц.

Утром следующего дня с медведицы сняли платок и исполнили «песню пробуждения» — «нух киллтары ар».

Праздник длился четыре дня. Мясо медведицы было полностью съедено. Во время пиршества присутствующие периодически выкрикивали звуки подражая ворону. Считалось, что этим они отводят от себя беду, перекладывая её на ворона.

В завершении вываренный череп зверя надели на специальный кол, на котором уже были черепа.

7

Ружья у хантов появились в восемнадцатом веке. До этого при охоте на крупного зверя применяли копья, настораживали самострелы. Соболя промышляли капканами, черканами и сетями – обмётами. Белок добывали из лука стрелами с тупым наконечником, чтобы не испортить шкурку. Юганские ханты добывали множество северного зайца. На ярмарку шкурки привозили возами. Промышляли зайцев самострелами, капканами, петлями. Полярный заяц значительно крупнее сибирского беляка. Его мех длиннее и плотнее. Из шкурок беляка не шьют одежду. Мех теребят для изготовления качественного фетра. А вот из шкурок полярного зайца можно сшить даже тулупчик. В произведении А. С. Пушкина «Пугачев» герой дарит встретившемуся в Оренбургских степях бродяге заячий тулупчик. Скорее всего он был сшит из шкурок, привезённых из Заполярья.

Приближался сезон охоты на пушного зверя. Солнце поднималось не высоко над горизонтом и почти не грело. Установилась отрицательная температура воздуха. Река, озёра и болота покрылись льдом. Природа и люди ждали снега. Подул северо-восточный ветер и погнал по небу серые тучи. В одну из ночей выпал первый снег. Он покрыл мёрзлую землю пушистым слоем, как одеялом.

Охотники готовились для поездки в ближние урманы. Торопиться не надо. После первого снега зверьки спрячутся в своих убежищах, чтобы не

оставлять следы на снегу. Только через несколько дней голод заставит их покинуть дупла, гайно и норы. Охотникам будет проще их разыскать. Женщины и дети останутся в юрте. Они будут следить за оставшимися оленями. Таёжные ханты ведут оседлый образ жизни, и каждая семья держит небольшой табун оленей. Всего по тридцать – семьдесят голов. Животные не уходят далеко от места пастбища. Им вешают на шею деревянный груз, который не мешает кормиться, но мешает бегать. У русских такой груз называют ботало. Его чаще всего подвешивают коровам, которые стремятся убежать из стада.

У каждого охотника на промысловых участках есть жильё. Жилища разнообразного типа. В зависимости от сезона проживания называют зимним, весенним, летним, осенним. Оленеводы, куда бы не приехали ставят чум. Охотники и рыболовы имели до четырёх сезонных жилищ. Они большую часть времени проводили в юрте, где хорошие пастбища для оленей и условия для рыбалки.

Ханты не многословный народ. Они понимают друг друга с нескольких слов. Иван произнёс словно между прочим: «Через два дня еду на охоту». Жена уже знала, что надо приготовить в поездку ему и сыну.

Дима, помогая отцу запрягать оленей в нарты, спросил:

— Можно я запрягу Белолобую?

— В нарты запрягают только яловых воженок. Твоя Белолобая весной принесет потомство.

Диме не хотелось расставаться со своей любимой оленухой. Четыре года назад после родов её мать сломала ногу. Её выбраковали из табуна. Отец сказал сыну: «Если выходишь оленёнка, он будет твой». Дима стал подносить оленёнка к кормящим воженкам. Несколько оленух отказалось его принять. Приняла старая воженка с двумя оленятами. Он стал ежедневно навещать оленей. Воженке всегда приносил гостинцы: кусок хлеба с солью. Она с удовольствием принимала дар. У маленькой оленушки было белое пятно на лбу: он назвал её Белолобкой. При каждом посещении гладил, сгонял мошку от глаз. Северные олени — спокойные, уравновешенные животные, не драчливы. Они быстро привыкают к человеку. Вскоре стала откликаться на кличку. Белолобка подходила к нему и тыкалась мордой в живот, чтобы он отогнал мошку с головы.

Ранним утром, в гражданские сумерки, по снежку отец с сыном выехали на промысловый участок. Олени дружно бежали, снег поскрипывал под полозьями нарт. Солнце ещё было за горизонтом, но предметы уже можно

было разглядеть. На небе висела бледная луна, охваченная ореолом, предвещающим скорый снегопад. Долгота дня в это время около одиннадцати часов. В декабре она сократится до шести часов. Иван спешил добраться до места и успеть пробежать по охотничьей тропе, чтобы до снегопада по следам, оставленным зверками на снегу, определить места установки капканов и ловушек. У русских охотников такая тропа называется путиком.

На небольшой поляне среди сосново-кедрового леса стояла «моховая» изба. Место идеальное: поблизости озеро и речка – приток Югана. Изба – это «земляной дом». Почему его называют «моховым» мне не понятно. Видимо в очень отдалённые времена при его строительстве использовался мох. В полуzemлянке устройство верхней части ничем не отличается от ранее описанных домов. На крышу из жердей укладывали полосы бересты. Затем стены и крыша засыпались землёй. Женщины у хантов умели обрабатывать бересту и готовить из неё разные изделия. Они её отваривали, сшивали в листы и смазывали жиром. Из таких листов даже строили летние временные жилища. В углу избы около дверей стоял чувал, напоминающий камин. Он служил для обогрева и приготовления пищи. Недалеко от дома на четырёх столбах стоял небольшой лабаз для хранения продуктов. Он напоминал избушку на курьих ножках.

Охотничий сезон начался благополучно и успешно. После небольшого снегопада, установилась относительно теплая погода. По небу плыли светлые тучи, не предвещающие снегопада. Снег лежал слоем немного выше щиколотки. Ходить было легко без лыж. Охотники ни разу не возвращались в землянку без добычи. С ними было три лайки. Хантыские лайки сохранили сходство с волками. Они мощные, приземистые и очень выносливы. Шерсть плотная и густая. Послушание зависит от воспитания и внимания человека. Они преданы хозяину и всегда готовы броситься на выручку.

Дима с луком шёл по лесу, осматривая кедры и сосны. На снегу виднелись следы рябчиков. Они ещё продолжали находить под снегом кедровые шишки и лакомиться орехами. Он надеялся увидеть их на деревьях и добыть. Юган умчался вперёд. Ханты часто дают клички собакам, связанные с названием рек, зверей, местности. Когда послышался лай Югана, поспешил к нему. Чем ближе подходил к сосне, на крону которой лаяла собака, тем сильнее билось сердце. «Хот бы лаяла на соболя», – мелькнула мысль. Он осторожно ставил ноги на снег, чтобы не издать шум от сломанной ветки. Белку заметил у ствола на толстом сучке. Она спокойно сидела, подняв хвост выше головы, и смотрела на собаку, зная, что такому зверю её не достать. Юган, почувствовав хозяина, стал лаять реже, отвлекая её внимание на себя. Дима сделал полукруг, чтобы подойти к зверьку сбоку. Прячась за деревьями,

подошёл довольно близко. Натянул тетиву лука и выпустил стрелу. Стрела с тупым наконечником контузила зверька, и он полетел вниз. Юган на лету подхватил белку и прикусил. Он это делал так умело, что не оставлял на шкурке следов прокуса. Дима подошел к нему, погладил по голове и забрал добычу. Затем встал на колени, взял за уши и поцеловал пса в нос, приговаривая: «молодец, молодец». Юган отёрнул голову и повилял хвостом, давая понять, что это его работа и он рад стараться ради хозяина.

Такая предосторожность при охоте на белок не нужна. Они не боятся человека. Диме неоднократно встречались белки, спокойно сидящие на деревьях, и он их добывал без участия Югана. Предосторожность и скрытность при охоте — инстинкт охотника. Эта привычка нужна при встрече с соболем.

Короток зимний день. В лесу стало сереть. В охотничьем азарте Дима не заметил, как пролетело время. Могучие кедры и сосны стояли в спокойной задумчивости. На их ветках лежали хлопья снега, готового посыпаться на землю при первом дуновении ветра. С неба посыпались снежинки. Они оседали на лапах хвойных деревьев, некоторые пролетали до земли. Пора возвращаться домой. Дима крикнул Югана и повернулся в сторону дома. У него было прекрасное настроение, он надеялся удивить отца количеством добытых белок. Год выпал урожайным на кедровые орехи и белки, видимо, принесли два помёта.

Юган догнал хозяина, пробежал рядом, давая понять, что понял намерение хозяина вернуться домой. Вскоре впереди раздался его голос. Дима, не таясь последовал на лай. Ещё из доли увидел на ветке у вершины кедра крупного глухаря. Его сердце радостно забилось. «Только бы не улетел, — думал он, — отец говорил, что нужна приманка для соболей». Скрываясь за деревьями, подошёл на расстояние верного выстрела. Тщательно прицелился и выстрелил стрелой с металлическим наконечником. Стрела вонзилась в птицу. Она стала падать, затем расправила крылья и полетела, виляя между стволов деревьев. Дима стоял в разочаровании. Юган умчался за глухарём. Когда раздался его лай, Дима почувствовал облегчение и побежал на зов друга.

На снегу лежал крупный петух с красными бровями. Юган победно стоял около него. В его пасти виднелись перья. Дима ласково стал разговаривать с ним. Он прекрасно понимал интонацию речи и в ответ вилял хвостом.

Птица оказалась очень тяжёлой. Дима привязал верёвку к голове, петлю забросил на плечо и потащил волоком. Она легко скользила по снегу.

Отец уже был дома, когда сын вошёл в землянку. В кotle над огнём в чувале варились рябчики. Он из капканов вынул трёх соболей. После ужина они уселись снимать и обезжиривать шкурки белок и соболей.

В один из выходов на охоту Дима забрёл в лес с густым подлеском. Здесь повсеместно встречались следы бурундуков. Среди них Юган обнаружил след соболя и молча пошёл по нему. Для соболя бурундук, как и белка, лакомая добыча. Дима ринулся за собакой. Юган стоял у кучи хвороста и периодически на неё лаял, давая понять, что соболь спрятался там. Охотник стоял в не решительности, не зная, как поступить. Затем топнул ногой по куче хвороста, надеясь, что соболь выскочит, а Юган его схватит. Зверёк не хотел рисковать своей шубой и притаился под хворостом. Возможно, он залез в бурундучью нору и решил там отсидеться. Бурундуки любят устраивать норы под кучами валежника.

Дима привязал Югана к деревцу около кучи валежника, надеясь, что соболь не вылезет из укрытия пока будет чуять запах собаки, а сам направился к землянке. Там взял обметную сеть и вернулся к соболю. По поведению Югана понял, что соболь на месте, да и выходного следа на снегу не было видно. Он охотничьим ножом нарубил тычки, воткнул их вокруг кучи хвороста и надел на них сеть. Затем отвязал Югана и отошёл от сети на расстояние, с которого удобно наблюдать за ней. Югана привязал рядом.

Иван вернулся поздно с обхода капканов. Сына дома не было. Когда стемнело забеспокоился, крикнул Пургу и пошёл по его следу. Диму застал сидящим у небольшого костра.

Только под утро охотники услышали звон колокольчиков, привязанных к сети. Соболь с разгона, как щука, влетел в ряжевую сеть. Он оказался матёрым котом, тёмного окраса.

Ноябрь не скучился на снегопады. Ходить без лыж стало убродно. Дима ранним утром сунул ноги в мешки, приклевые к лыжам, прежде чем пристегнуть крепления, затем привязал шнурками мешки к ногам выше икр и легко покатил от землянки в выбранном направлении. На нём была короткая двухслойная меховая куртка, не затрудняющая движение. Верхний слой из оленьей шкуры, нижний из заячьих шкурок, брюки из домотканой ткани, нити которой прялись из крапивы. На ногах кисы из камуса с меховым чулком. Юган давно ждал этого момента и побежал вперёд.

Охотничьи лыжи хантов — подволоки изготавливаются в основном из хвойных пород деревьев толщиной до двух сантиметров. Скользящую часть обклеивают камусом с ног оленей. Клей изготавливают из чешуи и костей рыбы. Чтобы снег не скрипел под подошвой обуви, приклеивают или прибивают к лыжам защитные мешки из светлой ткани. Такие лыжи очень

лёгкие, хорошо скользят только вперёд, двигаться назад не позволяет ворс. От качества лыж зависит успех на промысле.

Ночи становились всё длиннее и длиннее. На небе ярко горели звёзды, мороз крепчал. Луна жёлтым светом заливала лес и поляны. При лунном свете вполне можно было ориентироваться в пути. Иван был доволен результатами промысла и стал собираться домой. Он соскучился по жене, детям и родственникам. Уложил на нарты мешки с пушниной и боровой дичью. Охотники надели через головы просторные малицы поверх обычной одежды. Малицы шьют из оленых шкур, они достигают пят, к ним пришивают капюшоны, к рукавам – рукавицы. Такая одежда не продувается ветром и хорошо сохраняет тепло. Они удобно уселись на нарты, тронули с места оленей, повернули их хореями к речке. Выехав на лёд, покрытый снегом, направили оленей вниз по течению – в сторону юрты. Олени, отдохнувшие за время охоты хозяев, бежали легко, поднимая снег копытами, из их ноздрей струился пар. Дима мечтал о встрече с младшим братом, которому будет рассказывать интересные случаи на охоте.

9

У родителей Димы настало время серьёзной заботы. Для сына пора было подыскивать невесту. В округе во всех юртах проживали ближние и дальние родственники Каюковы. Невесту следовало искать в родах, не связанных кровно с их семейством.

Брат Ивана Алексей прошлым летом рыбачил неводом на Оби. Рядом неводила семья пимских хантов. Среди них выделялась расторопностью, изящностью и красотой девочка – подросток. «Вот кому-то достанется хорошая жена», – подумал он. Вечером, сидя у костра, мужчины говорили о прошлых рыбалках, рассказывали о своих родах. В их судьбах было много общего. Алексей похвалил дочь Леонида и предложил:

- У моего брата растёт сын. Хорошо бы породниться.
- Приезжайте в гости, может породнимся.

Когда Иван завел разговор о поиске невесты для сына, Алексей, вспомнил эту девочку и посоветовал брату поехать на Пим.

- Ты спросил имя родителей?
- Конечно спросил.
- Где проживают?
- На притоке Пима.
- Пим река большая, трудно найти человека.

—Там на всех притоках живут люди их рода. Её не найдешь, другую невесту найдешь, — резонно ответил брат.

Поездку откладывать было нельзя. Надо успеть съездить до паводка. Путь не близкий. Угодья Каюковых находились на притоках рек, впадающих в Обь с левого берега, а Пим протекал на правом берегу по болотистой местности с множеством озёр.

Стоял март, на небосводе ярко светило солнце, прекратились метели. Для севера март не весенний месяц. Температура воздуха иногда опускалась ниже двадцати градусов холода.

Аргиш из пяти упряжек оленей, запряжённых в нарты, двигался по заснеженному руслу реки. К последней нарте было привязано несколько запасных оленей. На случай несчастья с ездовым оленем и для калыма. На первой нарте сидел Иван, держа в руках горами — шест длиной около трёх метров. За ним ехал Дмитрий, на последней нарте Алексей. На одной лежал разобранный чум, пятая предназначалась для невесты. Олени легко бежали по утрамбованному ветрами снегу. Вокруг стояла знакомая с детства красота: суровая, дикая, но милая сердцу ханта.

Они благополучно пересекли русло Оби и въехали в русло Пима. Началась незнакомая местность. Ориентиром служил левый высокий берег реки. Слева, на сколько видели глаза, лежала равнина, занесённая снегом, под которой скрывались озёра и болота.

На втором переходе от Оби, на берегу в устье притока Пима увидели чумы. Иван направил аргиш к ним и подумал, что если жители не хотят видеть незваных гостей, то из чумов никто не выйдет. Он остановил оленей около ближайшего чума. Они тяжело дышали. Их бока раздувались и опускались. Полог чума откинулся и из него вышел мужчина в одной рубашке.

— Здравствуй, — первым заговорил Иван, — мы ищем невесту моему сыну.

— Проходите в чум, там говорить надо.

Жена хозяина чума прикрыла лицо платком, подбросила в чувал дров и повесила чайник над огнём. На столе появилась варёная оленина. Женщина вышла из чума и принесла мороженую рыбу. Приготовив еду, она удалилась за занавеску, где располагалось спальное место. Женщине не положено общаться с посторонними мужчинами. Гости с удовольствием ели строганину.

Утолив голод, Иван заговорил:

— Меня звать Иваном, моего брата Алексеем. Это мой сын Дмитрий. Мы приехали с Югана.

— Меня зовут Килим. Путь у вас не близкий. Разве ближе невесты не нашли?

— Вокруг живут только родственники Каюковы.

— В нашем роду «Лося» с Каюковыми никто не родился.

— Я в позапрошлом году рыбачил на Оби, — заговорил Алексей. — Рядом рыбачила семья Леонида из вашего рода. Мне приглянулась их дочка.

Килим задумался. Затем произнес:

— На Оби рыбачат несколько семей. У кого дочь — невеста не знаю. Схожу к отцу. Он должен знать.

Килим надел кухлянку и вышел из чума. Когда вернулся, сообщил, что есть такая семья, но сегодня до них не добраться. Надо выезжать завтра рано утром. Ночуйте у меня. Место много, в чуме тепло. Посоветовал распрячь оленей и отогнать пастись.

До юрты родителей невесты добрались во второй половине дня. Алексей тремя выстрелами из ружья известил о прибытии свата. Он взял в руку посох — «согюх» — неотёсанную палку из черёмухи и отправился в юрту невесты. В юрте поклонился родителям, постучал посохом и произнёс: «Пришел спросить человека». Это означало — есть ли у них невеста. Отец невесты, зная обычай хантов отвечал молчанием. Сват вышел из юрты и вернулся к родственникам. Иван посыпал его вторично. Он вновь вошёл в юрту, кланялся отцу невесты и пытался вызвать его на разговор. И на этот раз отец молчал. Сват вернулся без результата. Его послали третий раз уже с бутылкой вина. На этот раз отец согласился выпить со сватом несколько рюмок вина. На этом ритуал сватовства соблюдён. Сват приглашает в юрту жениха с отцом. Они взяли подарки и последовали за ним. Отцу невесты преподнесли отрез сукна, матери цветной платок, дочери бусы. Чёрные вещи и нож дарить нельзя. С этого момента начинались переговоры о предстоящей свадьбе.

Иван почувствовал, что их приезд не был неожиданным. Невеста была в праздничной одежде. «Неужели их предупредили. Пока мы спали в чуме Килима», — пронеслось в голове. Он положил на столик сладости и поставил водку. С замиранием сердца ждал: повяжет ли мать голову подаренным платком или вернёт назад. Когда платок оказался на голове женщины, с облегчением вздохнул. Это означало согласие на сватовство.

На столике появилось мясо и рыба. Мужчины уселись на полу вокруг столика. Началось застолье.

Дима почувствовал, что невеста рассматривает его. Он посмотрел на неё. Она смутилась и опустила взор. Перед ним сидела небольшого роста девушка с темными волосами, заплётёнными в две косы, концы которых украшали косники из лент и подвесок. До свадьбы девушки не закрывали лицо. Платок повязывали обычным манером. Как только её отдавали в жёны, надвигала платок на лицо.

— Невест вокруг много, — начал разговор Алексей, — нам приглянулась твоя дочь.

— Как может приглянуться моя дочь, если вы в наших краях впервые?

— В позапрошлом году я рыбачил на Оби.

— Мы каждый год там рыбачим.

— Вот там я и видел твою дочь.

— Я узнал тебя.

— Ты приглашал меня в гости, мы приехали, — произнёс Алексей.

— Рано Арину выдавать замуж. Ей только шестнадцать лет.

— Моему сыну восемнадцать лет исполнилось, пора женить, — произнёс Иван.

— Для нас предложение неожиданное, как-то вдруг, как же мы свою дочь отадим.

Арина в это время думала: «Какой красивый, высокий юноша. Если родители согласятся, я бы с ним поехала».

— Сегодня большая луна, — сказал сват, — лучший день для сватовства и свадьбы. Молодые счастливыми будут.

— Молодая луна будет ещё не один раз. Зачем торопиться.

Иван налил очередную порцию водки, и они выпили, закусив вяленой рыбой. Он подумал: «Мать невесты приняла платок. Видимо, надо предложить калым».

— Мы привезли хороший калым, — сообщил Иван.

— Какой калым?

— Оленей.

— У тебя большой табун оленей?

— Тридцать голов.

— Мой табун три сотни голов. Сыновья охраняют. Волки в этом году появились в нашем крае. Завтра молодого оленя заколем, праздник будет. Затем разговор продолжим.

На следующий день, после застолья, Леонид сообщил: «Жена согласна отдать дочь за твоего сына. Родовой богиней Колтащ предначертан твой дом моей дочери. Вы приехали с уважением, с хорошими мыслями. Нарядную упряжку за дочерью пригнали. Я против не буду».

Видимо он успел посоветоваться с женой и спросил согласие у дочери.

Свадьбу решили играть три дня в юрте невесты и три дня в доме жениха. Важный элемент свадьбы – поклонение огню. На поляне, покрытой снегом, уложили дрова для свадебного костра. Все жители становища собрались вокруг будущего костра, образовав широкое кольцо. В круг вошёл шаман с бубном и колотушкой. На нём был нагрудник, украшенный зубами и костями животных. Одежда звенела множеством подвесок и колокольчиков. Он подошёл к поленьям, сложенным для костра, и зажёг священный огонь. Затем разогрел бубен над огнём, поворачивая его по движению солнца, разогрел колотушку, очищая её силой священного огня. Потом ударил колотушкой по тую натянутой коже бубна. Длинный и глухой звук возвестил о начале праздника.

Шаман начал камлание: «О, Торум, Илик Торум! Разреши нам начать праздник! Мы подарим тебе горячее сердце оленя, напоим его кровью, накормим его сладкой печенью и мясом. О-о, Торум. Можно ли начать праздник?»

Шаман кружился и топтался на месте, делал дробные удары пальцами в бубен. Затем приник к нему ухом, прислушиваясь, что скажет Торум. Все замерли в ожидании. Шаман выпрямился, поднял бубен вверх и громко произнёс:

— Торум сказал, что можно начинать праздник

Затем запрыгал вокруг костра, выкрикивая:

— Дайте крови! Дайте сердце! Торум просит! Торум просит!

Леонид подошёл к оленю и вонзил нож под левую лопатку. Олень упал. Шаман опустился на колени перед священным жертвенным оленем, выхватил из раны нож и припал ртом к горячему потоку крови. Он жадно пил, обливая лицо и грудь кровью. Все, кто был на празднике, прикладывались к горячей крови. Сначала подходили самые старые и уважаемые жители, затем известные охотники, потом молодёжь.

— Жертвоприношение состоялось. Шамана, утомлённого пляской, увести отдохнуть в юрту.

Иван бросил в огонь костра кусочек красного материала. Это жертвоприношение богине огня – Най. С оленя аккуратно сняли шкуру. Мясо сварили в большом котле. Каждый отведал свежей оленины.

На следующий день свадебный праздник продолжался в юрте. За общий стол на пире невеста не садилась. Она за занавеской праздновала свадьбу с подругами.

Только через неделю гостеприимные хозяева провожали обретённых родственников. После утреннего застолья, все вышли на улицу. Арину с приданым посадили на приготовленную для неё нарту. С этого момента она считается переданной жениху. Управлять упряжкой оленей будет он, пока чум родителей невесты не останется за горизонтом.

В марте в Старом Югане ежегодно проходила ярмарка. Иван решил заехать на ярмарку и купить подарки невестке, сыну и жене.

Старинное поселение Юган возникло в первой половине девятнадцатого века. Расположено на высоком берегу реки Юган в сто пятидесяти километрах от Сургута. В 1716 году в нём была построена церковь Богоявления. Это первое христианское культовое сооружение для юганских хантов. До наших дней сохранилось последнее здание этой церкви, построенное в 1887 году. В 2010 году Комитет по культуре округа вынес постановление о признании данного сооружения памятником культуры.

Иван в молодости был крещен. К православной религии относился как кциальному, продолжая соблюдать традиции и обряды предков. Он остановил аргиш около церкви и предложил молодожёнам обвенчаться. Они были готовы на всё, лишь бы быстрее добраться до дома.

10

К юрте Каюковых путешественники подъезжали во второй половине дня. С последней стоянки они выехали ранним утром, когда слабый морозец сковал осевший за прошлый день снег. Олени легко бежали по уплотнённому снегу. К полудню весенние солнечные лучи, яркие и радостные, размягчили снег. Олени стали проваливаться, скорость движения замедлилась. Иван и Алексей мечтали о встрече с жёнами и детьми. Для всех они купили подарки на ярмарке. Молодожёны мечтали оказаться наедине.

На скрип нарт из дома вышла мать Дмитрия. Со счастливой улыбкой на лице поздоровалась со всеми, обняла невестку и удивилась её небольшому росту. Она была высотой не более ста сорок сантиметров. Сын же считался великанином – его рост составлял сто семьдесят сантиметров. Ей не терпелось

рассмотреть жену сына, лицо которой было закрыто платком. Молодой жене не положено быть с открытым лицом при свёкре и других мужчинах. Свекровь пригласила Арину в дом. Мужчины остались на улице распрягать уставших оленей.

11

До лета Дмитрий с Ариной жили у родителей. Со сходом снега и наступлением тёплых дней, мужчины юрты начали строить деревянный дом для молодой семьи. Место выбрали богатое зверем, с хорошей рыбалкой в реке и вблизи лежащем озере. При новоселье молодой чете подарили оленей и собак.

Арина родила пять сыновей и двух дочерей. Она прожила восемьдесят лет. Скончалась в 1978 году. Долголетию способствовали благоприятные природные условия жизни и питание естественными продуктами. Вблизи их дома вырос посёлок, который стали называть юрта Пунси. Когда их угодья стали осваивать нефтяники, многим пришлось покинуть родовые места.

В одном из домов жил их сын Николай – отец Людмилы Николаевны. По укоренившейся традиции его с супругой крестили в храме Старого Югана, предложили купить несколько икон. Для них иконы были такими же идолами, которым поклонялись их предки. Жена родила ему десятерых детей. Правда не все смогли выжить. Последней была Люда.

Хантыйская женщина не может сидеть без работы с ребёнком. Мать садила Люду в короб из бересты с отверстиями для ног. Надевала короб на плечи и отправлялась собирать ягоды. Когда дочь подросла, мать научила её всему, что должна уметь делать женщина. Ещё в дошкольном возрасте она научилась выделять шкуры, шить одежду и обувь. Отец в межсезонье по вечерам рассказывал Люде короткие сказки. Героями сказок были животные. Их поступки воспитывали ребёнка.

Семья держала сорок оленей. Многим давали клички в зависимости от окраса и поведения. Весну и лето они вольно паслись. Зимой, когда надо было куда-нибудь поехать, отыскивали их в лесу и отбирали ездовых оленей. Нарты у юганских хантов отличались от традиционных. Они были узкими, менее одного метра, чтобы проехать между деревьев. Запрягали в них по два оленя. Ездили в Сургут, на Обь, в гости. Кроме оленей держали четыре ездовые и две охотничьи собаки.

Однажды к ним заехали новосибирские геологи. У них было несколько лаек, купленных в питомнике посёлка Кубовая под Новосибирском. Одна собака недавно ощенилась. Им понравилась расторопная девочка.

Прощаясь с гостеприимными хозяевами, подарили Люде щенка западносибирской лайки. Она была счастлива от подарка. Дала ей кличку Верба. В это время ветки верб покрылись цветущими серёжками. Постоянно играла с ним. Щенок привязался к ребёнку и ходил за ней по пятам. Когда подрос, стал убегать в лес. Как-то Люда услышала его лай на кромке леса. Подойдя к сосне, увидела белку. Она невозмутимо смотрела на собаку, понимая, что та на дерево не заберётся. Люда стала звать Вербу домой, но та не обращала на неё внимание. Тогда взяла её за ошейник и попыталась увести. Белке не понравилась эта сцена, она перескочила на соседнее дерево и, перепрыгивая с дерева на дерево, умчалась в глубь леса. Верба вырвалась из рук Люды и помчалась за ней. Вскоре в лесу послышался её лай. Люда обиделась на свою воспитанницу за непослушание и отправилась домой. Верба вернулась домой только через три дня. К хозяйке подошла с необычным видом. Не стала, как обычно, ласкаться. Видно было, что она не довольна хозяйкой. Девочка погладила собаку и произнесла: «Летом белок нельзя добывать. Наступит зима, папа возьмёт тебя на охоту. Вот тогда ты проявишь себя».

Отец Люды был известным охотником. Всегда перевыполнял договорные обязательства по сдаче пушнины и рыбы. Во время Великой Отечественной войны был бригадиром в Старом Югане.

В один из сезонов Николай добыл 200 соболей, а супруга сдала две тонны ягод. Они стали победителями социалистического соревнования. Жене вручили медаль «Победитель соцсоревнования», а Николай стал участником поездки на выставку ВДНХ. Его вместе с другими победителями в соцсоревновании направили в Москву. Путь оказался очень утомительным. Сначала плыли на пароходе до Салехарда, затем очень долго ехали на поезде да Москвы. В столице их встретили организаторы поездки и отвезли в гостиницу. На следующий день поехали на выставку. В первую очередь всех интересовал павильон народов севера. В него стояла большая очередь. Участников выставки провели через служебный вход. Увидев скелет огромного мамонта, Николай долго стоял около него. Ему приходилось находить огромные кости в размытых песчаных берегах реки, но они ему были без надобности. Чучела диких животных его не очень заинтересовали. Этих зверей он видел в природе, многих довелось добывать. А вот шкуры лис, песцов, соболей и белок привлекли его внимание. Он их внимательно рассматривал, но добытых им среди них не нашёл. После осмотра выставки, группу повезли на Красную площадь, чтобы посмотреть Кремль и посетить мавзолей В. И. Ленина.

По дороге Николай не отрывался от окна, удивляясь высоким зданиям. Он не мог представить, как можно жить в них без леса и реки рядом. На

площади боялся отстать от группы. Он плохо знал русский язык. Впервые попав в огромный город, боялся заблудиться.

Когда вернулся домой, почувствовал облегчение. Поездка утомила его больше, чем любая работа. К нему постоянно приезжали районные чиновники на рыбалку, чтобы отдохнуть на свежем воздухе. Рыбы ему не жалко. Её много в реке. Обычно доставал из воды садок, вынимал из него живую рыбу. Приехавшие варили уху, накрывали на траве импровизированный стол, ставили водку и приглашали хозяев. Нередко на вертолёте прилетали сотрудники милиции, поздравляли с поездкой в Москву. Расспрашивали его впечатления о поездке. Встречи без водки не обходились. Они меняли за бутылку водки шкурку соболя. В семидесятые годы прошлого века бутылка водки стоила около трёх рублей, а шкурка соболя не высшего сорта тридцать рублей. Он и жена постепенно пристрастились к водке, появилась постоянная потребность к выпивке. Сдавая рыбу и ягоды в приёмный пункт, отоваривались водкой. Через несколько лет жена спилилась. Она скончалась в 1993 году, раньше Николая. Он не дожил до пятидесяти лет. Люда в это время жила и училась в интернате села Угут. Она тяжело переживала потерю родителей, хорошо понимая причину их смерти. Для себя решила: «Я никогда водку в рот не возьму».

В настоящее время село Угут является центром Угутского сельского поселения Сургутского района. Название произошло от названия юрт Угутских. В своё время — это название произошло от хантыйского названия речки Угутки. Оно одно из старейших сёл в Сургутском районе, возникшее ещё в 1891 году. В нём проживает около трёх тысяч человек. В 1979 году там открыт филиал окружного Ханты-Мансийского краеведческого музея.

У северных народов в организме отсутствует фермент, быстро разлагающий этиловый спирт на безопасные составляющие. Нейтрализация алкоголя происходит в печени, которая вырабатывает ферменты. Спирт под действием ферментов расщепляется на безвредную уксусную кислоту и ацетальдегид — высокотоксичный элемент, который разрушает внутренние органы. Северные народы традиционно питаются мясом и рыбой. Эта пища богата белком и жиром, что помогает им легче переносить низкие температуры, формирует устойчивость к сердечно-сосудистому заболеванию и раку. Отсутствие в рационе углеводов влияет на недостаток ферментов, которые расщепляют алкоголь.

Учёба Людмиле давалась легко. Однажды она подслушала разговор учителей: «Зачем мы учим детей хантов? Кончат школу, вернутся в свои стойбища и сопьются». Этот разговор она запомнила на всю жизнь. А тогда решила, что на зло этим педагогам после окончания школы продолжит

обучение. Ей очень нравился немецкий язык. Всё свободное время уделяла чтению произведений на немецком языке. К окончанию школы свободно читала произведения немецких классиков в оригинале. После завершения учёбы в школе, она единственная из класса решила продолжить образование. Продала сохранившиеся вещи родителей и поехала в Ленинград поступать в Институт народов севера.

Институт народов севера – единственное в России высшее учебное заведение, готовящее педагогические и научные кадры более чем для тридцати коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Людмила успешно сдала экзамены, получила место в общежитии и даже стипендию. Прожить на оду стипендию было сложно. Ей постоянно приходилось по вечерам подрабатывать в столовой на мытье посуды.

Она проявила волю и настойчивость. Упорно шла к намеченной цели: получить образование. Кроме немецкого, освоила английский язык. По окончании института её распределили работать в Венгрию. Проработав год, была приглашена на работу в Германию, где прожила десять лет. Сегодня преподаёт английский язык в Сургутском нефтяном техникуме.

Рассказы

Охота на уток в Заполярье

Быстро пролетело короткое северное лето, многих не радовало наступление хмурой ненастной погоды. Солнце временам показывалось между чёрными тучами и одаривало землю последним теплом. Только у охотников было приподнятое настроение – приближался сезон охоты на водоплавающую дичь.

Катер шёл вдоль берега Енисея, небольшая волна слегка покачивала его иохотников, столпившихся в носовой части перед рубкой. Ветер сменил направление, угнал хмурые тучи на северо-восток. По небу поплыли редкие перистые облака. Мы наслаждались осенним солнечным теплом. У нас в Сибири этот период года называется «бабьим летом». По просьбе охотников катер приставал носом к песчаной косе, в местах ими указанных, и группы по два - три человека сходили на берег. Наша группа из четырех человек высадилась последней. Ориентиром были высокие сосны вдали, за лиственным лесом, который рос вдоль берега. Преодолев широкую отмель,

мы увидели перед лесом льдину толщиной около двух метров. Она была завалена сверху мусором. Весенное половодье вынесло ее далеко на берег, где она зацепилась за деревья и под их тенью пролежала все лето.

– Прекрасный холодильник», – сказал Виктор Морозюк, начальник пожарной охраны комбината.

– Сначала добудь уток, потом думай о хранении, – послышался голос Володи Архипова.

– Добудем, – уверенно ответил Виктор.

В дальнейшем каждый вырубил в ней нишу и хранил добытых уток. Меня удивило, что льдина не растаяла за лето. Теперь ей лежать до следующего паводка.

С рюкзаками и ружьями на плечах мы шли друг за другом по тропе, которая виляла между деревьями и полусгнившими пнями. Тропа уводила нас на запад от Енисея, лучи солнца пробивались сквозь кроны леса множеством солнечных зайчиков, которые прыгали по стволам и по тропе при покачивании вершин деревьев.

Я впервые был в этих местах, замыкал шествие и рассматривал местность. Белоснежные стволы стройных берез без сучьев тянулись вверх, на их вершинах лохматые кроны смыкались между собой. Местность была неровной, ноги, обутые в тяжелые болотные сапоги, часто спотыкались о кочки. В пониженных участках, где весной подолгу задерживается талая вода, красовались зеленые стволы осин.

Неожиданно перед нами поднялся с земли выводок рябчиков. Отлетев недалеко, птицы расселись на ветки, вытянули шеи и с любопытством наблюдали за нами. Им незнаком был человек, они не знали, насколько он опасен для них.

– Как жаль, что ружья в чехлах, – произнес Алексей Сидельников, – добыли бы рябчиков.

– Не суетись, – успокоил его Виктор Морозюк, – все в свое время.

Когда-то здесь росли кедры и сосны. В бору эвенки охотились на соболей и белок. Их стойбище находилось против Игарской протоки, в которой удобно было неводить и добывать ценные породы рыбы. В начале тридцатых годов хвойный лес вырубили, пушной зверь исчез, эвенки откочевали. Со временем все вырубки захватили березы и осины,

сохранились только отдельные островки сосен, которые по каким - то причинам пощадили лесозаготовители. Вот до такого островка мы добрались через несколько минут. Высокие, развесистые, толщиной больше, чем в обхват, сосны стояли среди лиственного леса, который был значительно ниже их. За этим лесом простиралась лесотундра с бесчисленным количеством озер, на которых нам предстояло охотиться. Сосны были хорошим ориентиром для выхода к лагерю с места охоты.

Наскоро разбив лагерь, поспешили на вечернюю зорю. Выйдя на кромку леса, мы увидели бескрайние просторы, покрытые изумрудом зелени, опоясывающей, как ожерельем, голубую гладь озер. Светило спешило спрятаться за горизонт, в его лучах купались камыши многочисленных озер. До темноты оставалось мало времени. Всем хотелось, как говорят охотники, «стрельнуть», чтобы добыть уток на сурpu.

Перед нами лежало озеро, берега которого заросли аиром и осокой. На плесе плавало несколько выводков уток, над водой кружили чайки. Их было несколько видов. Маленькие крачки, с черной головкой, виртуозно носились над озером, затем стремительно падали камнем вниз и выхватывали мелкую рыбешку. Крупные чайки-бургомистры спокойно взмахивали крыльями, затем парили, проделывая замысловатые виражи, высматривая добычу. Внезапно падали на воду, выхватывали рыбу и улетали с трепещущейся рыбой в когтях.

Охотники и рыбаки не любят крупных чаек – хищниц. Они вытаскивают рыбу из сетей, рвут и запутывают снасти. Часто нападают на утят и гусят, охотятся на беззащитных куропаток, не брезгуют тундровыми грызунами-леммингами. Эвенки для отпугивания ненавистной птицы вблизи сетей на шесте подвешивают за ноги убитую чайку – пугало.

Надвигался вечер, ветер утих, солнце стояло низко над горизонтом, небосвод на западе был окрашен в яркий, красно-золотистый цвет. Лучи солнца, отражаясь от зеркальной поверхности озера, разливались яркими красками на прибрежных камышах, слепили глаза. Вся эта необычайная, яркая гамма красок подчеркивала силу и красоту заполярной природы.

Мы разошлись по периметру водоема, устроились в камышах у кромки воды, чтобы незаметно и удобно стрелять по пролетающим уткам.

Передо мной плавала гагара, глубоко погрузившись в воду озера, как подводная лодка. Она крутила головой и настороженно поглядывала по сторонам. Я не нуждался в такой дичи и высунулся из укрытия. Она

моментально нырнула и появилась вновь на поверхности воды на другом конце озера.

После нескольких выстрелов все утки, плавающие на озере, поднялись на крыло и улетели. Я ждал вечернего перелета, сжимал в руках ружье, готовый к выстрелу в любой момент. Утки не пролетали. Недалеко от нашего озера табунки поднимались в воздух, пролетев небольшое расстояние, опускались за камышами. Они словно дразнили нас.

Солнце красным диском закатывалось за камыши, предвещая хорошую погоду на завтра. Морская поговорка гласит: «солнце красно поутру – моряку не понутру, солнце красно с вечера – моряку бояться нечего». Начало смеркаться, перелета уток так и не было.

Когда все собрались на стане, я посетовал Володе:

– Не ожидал я, что в этих местах такая охота, на четырех человек добыли всего две утки. Перелета не было.

– Успокойся, утром убедишься, сколько на озерах дичи. Здесь нет перелетов, как на материке. Там водоемов мало, утка летает на поля кормиться, а вечером возвращается на свое озеро. Здесь всюду кормовые озера, утки ведут себя иначе. Завтра пойдем охотиться с подхода.

На стане кипела работа. Уже пылал костер, Алексей Сидельников теребил уток (он работал заместителем директора комбината по экономике), Морозюк чистил картошку, Володя доставал из рюкзака котелок. Мне пришлось взять топор и отправиться собирать сухой хворост, чтобы хватило на всю ночь.

Я хорошо знал правило – на коллективной охоте нельзя прохладиться, когда все заняты делом. Такого лодыря следующий раз с собой не пригласят.

От котелка исходил приятный аромат сурпры. Так охотники называют суп с уткой и вермишелью. Мы сидели около костра, как первобытные люди, и отмечали охотничий праздник. Первый тост был за открытие охоты, вторым поздравили Сидельникова с «полем». Он единственный из нас добыл уток.

На душе было тихо и спокойно, забылись все производственные дела, я оказался в другой реальности. Кроме товарищей, сидящих у костра, для меня ничего не существовало. Какие-то невидимые нити связывали и роднили нас общими интересами. О работе никто не говорил, хотя у каждого было достаточно проблем. Охота – лучший отдых от умственного напряжения и

житейских проблем. Не зря поговорка гласит: «дни, проведенные на охоте, в счет жизни не засчитываются».

Чай, заваренный брусничником, сорванным вместе с корнями, имел темно-малиновый цвет. Он прекрасно утолял жажду после сытной супры.

Через кроны деревьев на меня смотрели звезды с далекого небосвода и, мне казалось, лукаво подмигивали.

—Около озера бродит Михаил, —сказал, между прочим Морозюк, попивая из эмалированной кружки чай.

Какой Михаил? — насторожился Сидельников.

Он, как и я, был в этих местах впервые.

— Косолапый, — ответил Морозюк.

— Жаль, что не взял с собой патроны, заряженные пулей «жакан», — произнес я с сожалением.

— Хорошо, что забыл. Зачем нам неприятности? Мы медведя не тронем, и он нас не тронет, — рассудил Володя.

— Года три назад, — начал рассказывать Морозюк, — мы пригласили сюда на охоту Петра Васильевича, начальника второго лесопильного завода. Он увидел через озеро на противоположном берегу медведя. Прибежал испуганным на стан и больше на охоту не пошел. С тех пор охотится на болотах около реки Гравийки, добывает чирков. Говорит, что чирки — самая вкусная утка...

— «Волков бояться — в лес неходить», — ответил Володя поговоркой.

Время перевалило далеко за полночь, разговоры не умолкали, после сытного ужина мне захотелось прилечь. Я положил около костра два обрубка от ствола сухого дерева и улегся на них, подложив под голову плащ. Сон быстро сморил меня, разговоры товарищей убаюкивали, как в детстве сказки бабушки.

Проснулся под утро от боли в левой руке, как от укуса овода. Схватил правой рукой болящее место, чтобы наказать нарушителя моего сна, и обжег ладонь. Моментально вскочил на ноги, у меня тлел рукав ватной фуфайки.

Ночь уже покидала лес, надвигалось серое утро, луна сменила свой ярко-желтый цвет на бледно-белый и спустилась к горизонту. Я разбудил

приятелей. Мы доели разогретую сурпу, запили горячим чаем, надели рюкзаки и отправились бродить вдоль многочисленных озер и болот.

Охота с подхода требует определенного умения и навыка. К озеру надо подходить осторожно и скрытно. Увидев уток, приходилось сгибаться ниже травы или ползком по высокой осоке подкрадываться к воде. У уток прекрасное зрение, охотник должен первым увидеть их и успеть выстрелить до взлета. При этом надо думать, как затем достать добытую дичь.

Утренними солнечными лучами обагрились камыши и высокие травы, ласковый ветерок гулял по простору. Правее озера, на котором мы охотились вчера, простиралась большая равнина, заросшая осокой. Отвернув голенища болотных сапог, я направился по ее левой кромке к видневшимся вдали зарослям аира, за которыми предполагал, что может быть озеро. Мои предположения оправдались. Осторожно выглянул из зарослей аира и увидел на воде несколько табунов уток нырковой породы. Видимо, озеро было глубокое и рыбное. В центре плавали гоголи, сверкая на солнце белыми щеками и боками, левее меня резвились лутки, постоянно ныряя за добычей. Их красно-рыжие головы отливались рыжим блеском в лучах утреннего солнца. Я не люблю этих уток – их мясо сильно пахнет рыбой. Мое внимание привлек табун крупных морских чернетей, плавающих в правом углу озера. Они очень мясистые, их вес больше килограмма. Осторожно отступил назад, стал в обход подкрадываться к табуну. Утки всегда надеются на свое зрение больше, чем на другие органы чувств, поэтому подойти к ним скрытно не составило труда. Наблюдая за ними из высокой осоки, долго ждал, когда сплынутся несколько штук вместе. Они, как назло, не сплывались. Улучив момент, когда два черныша оказались рядом, выстрелил. Доставать из воды дичь пришлось с помощью шнура и привязанной к нему палки. Продвигаясь в северном направлении, подошел к озеру, покрытому ряской. Прямо передо мной плавали шилохвости. После выстрела, шилохвостые поднялись не только с поверхности воды, но и из осоки, окружающей озеро. Они хлопали крыльями, как в ладоши, по случаю моего промаха вторым выстрелом влет.

Я обходил водоем за водоемом, сделав большой полукруг, пока не подошел к длинному озеру, на котором увидел гусей. Они не заметили меня и спокойно сидели на воде под высоким берегом, заросшим тальником. До них было метров двести. Сердце радостно забилось, казалось, удача сопутствует мне. Отшел подальше от озера и осторожно направился в сторону кустов, против которых плавали гуси. К кустам подходил еле дыша.

До озера оставалось метров пять, через кусты виднелась чистая поверхность воды, гусей не было видно. Пробираться через кусты ближе к воде не имело смысла – шумом можно вспугнуть гусей. Внимательно разглядывал поверхность озера, на воде никого не видел. Неожиданно из-под берега, прямо против меня, выплыла шилохвость. Она вытянула шею и крутила головой.

– Неужели у берега плавали утки, а не гуси, – подумал я, – может, выстрелить в эту утку?

Пока я так размышлял, шилохвость с шумом поднялась и полетела над водой. Словно по ее команде, метрах в пятнадцати правее, взлетел табун гусей. Они плавно взмахивали крыльями и удалялись от меня над поверхностью воды. Кусты не дали мне возможности выстрелить.

Досады и разочарования не было. Видимо, гуси отплыли от того места, где их увидел или сам ошибся – подошел не к тому кусту.

Так я бродил от озера к озеру по высокой осоке, по кочкам и через кусты, пока не набрел на небольшое и неглубокое озеро, усыпанное гусиным пером, в воде плавала неизвестная мне вьющаяся трава. Озеро, видимо, было кормовым. Здесь я решил обосноваться и дождаться прилета гусей на кормежку. В рюкзаке лежало больше десятка уток, можно было отдохнуть.

Выбрал кочку, на которой можно было сидеть, скрываясь в высокой траве. За день ходьбы сильно проголодался, достал из рюкзака термос, хлеб, колбасу и с аппетитом утолял голод.

День угасал, похолодало. «Не пора ли возвращаться в лагерь, пока светло», – промелькнула мысль.

Но вот, наконец, наступил долгожданный момент. К озеру на небольшой высоте плавно летели два гуся. Они пролетали вдоль озера за моей спиной. Первым выстрелом был сражен впереди летящий, он камнем падал вниз. Чтобы стрелять во второго, пришлось развернуться. После выстрела он падал на почтительном расстоянии. Я вновь развернулся, чтобы посмотреть, куда упадет первый гусь, но он уже упал, и я не увидел место падения. В воздухе плавно, покачиваясь, спускалось в траву маленькое гусиное перышко. В месте его приземления лежал гусь. Положив добычу около рюкзака, отправился искать второго гуся. Мои поиски были тщетными – точного места падения я не видел. Искать среди кочек, в траве по пояс, – дело безнадежное. Пока искал, к озеру несколько раз подлетали гуси, но заметив

меня, удалялись. Пришлось прекратить поиски и занять свое место вблизи воды.

Гуси прилетали в одиночку и группами, смело садились на воду в разных концах озера, зная, что их здесь никто не побеспокоит. Над озером стоял гогот. Отдельные птицы махали крыльями, не отрываясь от воды, словно разминая суставы. Зачарованный, я забыл о времени и ждал, когда они подплывут ко мне. Вскоре мое терпение было вознаграждено. Прямо передо мной опустились на воду два гуся. После моих выстрелов вся гусиная армада поднялась в воздух и улетела.

Вокруг меня сгустилась тьма. Охваченный удивительным зрелищем и азартом, я не подумал, как в темноте буду выбираться.

Взвалив на плечи рюкзак с тремя гусями и утками, двинулся в обратный путь. Меня охватило беспокойство – темнота скрыла сосны, в сторону которых надо было идти. Я знал направление движения, но по пути лежали озера и болота, обходя которые, легко сбиться с нужного направления. Пришлось идти по своему следу, которым бродил целый день от озера к озеру. На небе высypали звезды, потянуло осенней прохладой. Меня не покидала мысль: только не потерять свой след, который разыскивал по примятой траве. Ближе к полуночи услышал выстрелы с левой стороны от моего маршрута. Меня потеряли и давали сигнал о месте нахождения лагеря. Пришлось сделать ответный выстрел, чтобы знали, что со мной ничего не случилось. Напрямую на выстрелы не пошел, продолжал идти своим следом.

Перед лесом вздрогнул от испуга, прямо передо мной с дерева сорвалась полярная сова, захлопав широкими крыльями. Полярные совы значительно крупнее наших сибирских, в зимний период имеют белоснежный цвет.

К лагерю добрался, еле волоча ноги, в два часа ночи. Меня ждали обеспокоенные товарищи. Вместо рассказа о своих приключениях, вытряхнул около костра из рюкзака свою добычу.

– Завтра на охоту не пойду, буду отсыпаться, – сказал и полез в палатку спать.

Проснулся поздно. Через брезент палатки слабо пробивался дневной свет. В лесу отбивал морзянку дятел. Меня удивил треск дров в костре. Когда вылез из палатки, то увидел Сидельникова.

– Ты почему не на охоте? – удивился я

- Разогреваю тебе завтрак.
- Не хитри, говори, в чем дело?
- Пойдем вместе охотиться на гусей.
- Я же сказал вчера, что сегодня у меня выходной.
- Покажи место, где охотился.
- Вставай на мой след, и он приведет тебя к месту охоты.
- Сколько времени идти?
- К вечеру доберешься.
- Ты же говорил, что петлял по озерам, напрямую ближе.

Мне очень не хотелось идти по кочкарникам и болотам. Отказать в просьбе – означало: потерять уважение товарищей.

- Хорошо, поем и пойдем.

Чтобы сократить дорогу, повел Алексея напрямую к длинному озеру, на котором видел шилохвость. Путь пролегал через болото, покрытое кочками и заросшее осокой. Осеннее солнце заливало своими лучами округу и ласкало наши лица своим теплом. В воздухе стоял запах болота и сырого мха. Перед нами постоянно взлетали бекасы и стремительно с писком уносились вдали.

- Вот где раздолье для охоты с легавой, – мечтательно произнес Алексей.
- Заводи сеттера или пойнтера.
- Эти собаки – аристократы, не для заполярья.
- Ты будешь первым, кто заведет такую собаку.
- Мне очень нравится ирландский красный сеттер, но здесь сезон охоты меньше месяца, держать теплолюбивую собаку придется в квартире.
- Зато какое получишь удовольствие, – я подтрунивал над ним.

– Нет, уволь от удовольствия выгуливать собаку три раза в день. Сам – то держишь лаек, а мне советуешь завести сеттера.

- Кому какая собака нравится, тот такую и заводит. Мне больше нравится охота по зверю. Там идет соревнование, у зверя есть шанс убежать или обмануть охотника.

Когда вдали показались кусты на берегу озера, которые помешали мне стрелять в поднявшихся с воды гусей, повернул к левой оконечности озера, где нашел свой след, идущий к месту моей охоты.

– Эта тропа приведет тебя к моей засидке, – сказал Алексею, – если место не понравится, выбери другое. Гуси чаще садились в другом конце озера.

– Еще далеко идти? – спросил Алексей усталым голосом.

По его лицу катился пот, ватная фуфайка была расстегнута.

– Не больше тридцати минут.

В лагере ощипал и опалил уток, чтобы к приходу охотников приготовить ужин. Повесил котелок над костром и присел отдохнуть.

В лесу вокруг меня шла своя жизнь. Дятел без отдыха стучал своим крепким клювом по стволу дерева, добывая короедов и других вредителей леса. Вот лемминг перебежал тропу и скрылся в траве. Это полярная мышь, излюбленная пища песцов. Несколько раз полосатый бурундук заскакивал на ствол сосны и внимательно смотрел в сторону лагеря. Видимо, мы своим присутствием нарушили его покой. В вечерних сумерках по лесу разносился трубный голос лося. Он вызывал на поединок соперника, начался период гона.

В заполярье осенью темнеет рано. В надвигающейся темноте послышались шаги, и к костру вышли Архипов и Морозюк с тяжелыми рюкзаками.

– Где Алексей? – был первый вопрос.

– Пошел за гусями, – ответил я.

– Мы не советовали ему испытывать судьбу, – сказал Морозюк.

– Придетсяждать и его всю ночь, а завтра рано утром за нами придет катер, – сказал раздосадованный Архипов.

Сидельникова долго ждать не пришлось. Часа через два, после того, как мы поели, он предстал перед нами в мокрой одежде.

Мы с любопытством смотрели на него и ждали рассказа. Он молча сел на колоду, снял болотные сапоги, вылил из них воду, выкрутил портняки и носки. Первым не выдержал Володя:

– Где гуси? Или ты их утопил?

В это время Алексей снимал пустой рюкзак.

– Нет там никаких гусей, и не было, – произнес он с досадой и обидой, – за весь вечер даже вдали не пролетел ни один гусь.

– Как не было! Разве ты не видел массу пера на воде? – вмешался я в разговор.

– Это перо, наверное, осталось после линьки.

Я почувствовал себя виноватым в его неудаче и даже обманщиком. Скорее всего, Алексей так и думал. Меня выручил Морозюк:

– Мы тебя предупреждали, чтобы не ходил на обстрелянное место. Гуси никогда не прилетают на озеро, на котором их потревожили.

– Расскажи, как тебя угораздило искупаться? – поинтересовался Володя.

– На обратном пути, уже по темноте, налетели утки. После выстрела одна упала в болото. Побежал к ней, не отводя взгляда от точки падения, споткнулся и растянулся во весь рост.

Володя достал из палатки запасное нижнее белье и протянул Алексею, который развешивал мокрую одежду вокруг костра.

– Всегда брал с собой запасную одежду, а тут, как на грех, не взял, – произнес Алексей, принимая с благодарностью белье.

– Придется тебе, Алексей, сушить одежду всю ночь, чтобы завтра не ехать в город в исподнем, – пошутил Морозюк, отправляясь в палатку.

– Наденет сверху мой плащ, и никто не обратит на него внимание, – поддержал я Морозюка.

Утром, возвращаясь на катере в город, думал о доме, работе. Двухдневная благодать закончилась. Я начал обдумывать, какие документы мне надо взять с собой в командировку. Видимо, такое же состояние было у моих напарников. Первым нарушил молчание Морозюк, обращаясь к рулевому:

– Пожары в городе были?

– Не слышал.

– Значит, не было, иначе знал бы весь город, – вздохнул он с облегчением.

Два Михаила

Старая медведица обходила по периметру кедровый массив леса, раскинувшийся в Туруханской тайге на границе с лесотундрой. Это был её участок, помеченный длинными острыми когтями передних лап на стволах деревьев. Мало кто из медведей, обитающих по соседству, мог дотянуться до её меток. Никто из сородичей не смел заходить на эту территорию, избегая столкновения с крупным зверем, защищающим своих детей. Только отец потомства приходил к ней в период гона. За матерью следовали два маленьких медвежонка, замыкал шествие пестун.

Медведица уже подготовила берлогу под корнями поваленной ветром сосны. Прежде, чем залечь на зимнюю спячку, ей и детям требовалось накопить жир. Обычно она жировала на кедровых орехах, но год был неурожайный на орехи. Семейство подошло к широкому ручью. Мать зашла в холодную воду, выбрала мелководье и стала ждать добычу. Медвежата устроили возню на отмели, скатились в воду и обрызгали пестуна. Он не замедлил отвесить брату и сестрёнке по шлепку. Те выскочили на берег и успокоились. В это время мимо медведицы проплыval крупный муксун. Молниеносным ударом лапы по воде она оглушила рыбу и поддев когтями, выбросила на отмель. Медвежата и пестун бросились к корму. Пестун первым оказался около рыбы. Выскочившая из воды мать ударом лапы отбросила его в сторону. Этим она дала ему понять, что он уже порос и должен сам добывать пищу. Подбежавшие медвежата вцепились в рыбину и начали её рвать на куски. Свежая рыба пришлась им по вкусу.

Обиженный пестун отошёл вниз по берегу на почтительное расстояние. Он последовал примеру матери, зашёл в воду, но ему не удавалось поймать проплывающих мимо крупных рыб.

За осень, отъевшись на рыбе семейство, отправилось к приготовленной берлоге. Когда пестун попытался устроиться вместе с младшими медвежатами, мать дала ему шлепок, от которого он покатился вниз под уклон от берлоги. Инстинкт подсказал ему, что второй попытки лечь в берлогу с родственниками делать не следует. Понурив голову, он поплёлся прочь от недоброжелательной матери. Не трудно представить, каково было ему. Через некоторое время он оказался около прошлогодней берлоги. Залез в неё и осмотрелся. В ней было сухо, и даже сохранилась прошлогодняя подстилка. Инстинкт подсказал ему, что залегать на зиму ещё рано, он недостаточно накопил жира, чтобы благополучно перенести суровую северную зиму.

Лов рыбы в ручье больших успехов не приносил. У него не было опыта, удары лапой по воде были слабыми и не могли оглушить рыбу. Брызги летели во все стороны, а намеченная жертва мгновенно исчезала из вида. Намучавшись и вымокнув, он побрёл вдоль ручья. Его обоняние уловило незнакомый запах. Медвежонок не знал, что пахло дымом, вяленой рыбой и человеком. Ему ещё не ведом был страх. С матерью привык чувствовать себя хозяином в тайге. Пробираясь через кусты наткнулся на яму с рыбой. Знакомый запах и голод возбудили аппетит. Он принял энергично разгребать яму передними лапами. Мох, прикрывающий рыбу, летел между задних ног и в стороны. Разбросав прикрытие, схватил щуку и принялся с урчанием поедать.

Михаил Петров сидел за небольшим столиком в охотничьей избушке и с удовольствием ел уху, сваренную из чира и окуней, периодически смотрел в окошко на тёмную поверхность озера, подёрнутую рябью, и на лес на берегах. С лиственниц давно осыпалась хвоя, и они создавали унылое впечатление. Михаила это не огорчало. Скоро наступят морозы. Озеро покроется льдом, и наступит сезон охоты на пушного зверя. Прежде всего, он добудет сохатого. Его семимесячный щенок Дружок наотрез отказывается есть утятину, и для него приходится варить рыбу с крупой. Зимой собаку кормить проще – отрубил кусок мяса, и никаких забот. Несколько дней тому назад пришлось снять сети, чтобы не вмерзли в лёд. Улов был хорошим, рыба начала скатываться из озера по ручью в Дубчес, а по нему в Енисей. Недалеко от избушки среди кустов Михаил выкопал яму до мерзлого грунта, который располагался на глубине менее метра, сложил в неё рыбу и прикрыл мхом.

Дружок свернулся клубком и лежал около нар. Неожиданно он соскочил и с яростным лаем бросился к дверям. Михаил выпустил его и посмотрел в приоткрытую дверь в сторону лая. Он был немало удивлен. Крупный медвежонок выгребал из ямы рыбу и с жадностью поедал, не обращая внимания на собаку. Видимо, голод был страшнее собаки. У Дружка шерсть поднялась дыбом, он был взбешен непрошенным гостем, который уничтожал заготовленные припасы рыбы. Медвежонок повернул голову в сторону лая, убедился, что собака ростом меньше его младшего брата, значит, не может причинить ему вреда, и продолжал лакомиться рыбой. Когда собака подступила слишком близко к зверю, он погнался за ней, чтобы отвесить шлепок, как делал с братом, когда он ему надоедал. Дружок увернулся и, отбежав в сторону, не прекращал облавливать зверя. Мишка вернулся к яме и продолжил трапезу. Наевшись вдоволь рыбы, медвежонок удалился в лес. Дружок полаял ему в след и успокоился. Первым порывом у Михаила было желание взять ружьё, но, подумав, решил, что мясо до холодов испортится, в шкуре медвежонка мало

проку. Он продолжал наблюдать за поведением животных. Его радовало, что в Дружке проявляются хорошие качества.

На следующий день пестун вновь появился около ямы. Дружок уже лаял не так яростно, как в первый день. Михаил не жалел рыбы для своего соседа. Поставил сеть в реке и каждое утро, проверив ее, приносил для появившегося приятеля добрую порцию рыбы. Медвежонок откармливался и жировал на рыбе. Он всегда крутился в лесу недалеко от избушки, привык к собаке и человеку. Вместе с тем хранил нейтралитет, никогда не залазил в избушку в отсутствие хозяев. Дружок, видя, что хозяин не прогоняет медвежонка, стал приветствовать приближающегося мишку вилянием хвоста, лаял незлобно, чтобы только предупредить хозяина о визите приятеля. Так состоялась дружба медведя и человека, которая длилась много лет. Три года мишка весной появлялся у избушки. После зимней спячки с удовольствием принимал рыбные подачки. Себя вел дружелюбно, лабаз не трогал никогда. Человек и медведь охраняли друг друга. В селе о их дружбе знали и по просьбе Михаила не искали в этом лесу берлогу. Медведь охранял свой кедровый массив от многочисленной своей родни. По границе участка постоянно делал метки, царапая когтями передних лап стволы деревьев. Эти метки с каждым годом делались выше и выше от земли. «Растет мой тезка», – думал Михаил каждый раз, увидев свежую метку. Дружок не упускал случая оставить у такого дерева свою метку. Так животные сообщали друг другу о своем присутствии в лесу, мирно жили несколько лет, пока не началась война, и Михаил не ушел на фронт.

Полярный волк Вайт

Он родился весной в долине среднего течения реки Меконг слепым и глухим. Мать облизала и пододвинула носом к животу. Он инстинктивно нашёл сосок и присосался к нему как пиявка. Вскоре рядом оказалась сестра. Полярные волчицы не приносят в помёте больше двух-трёх волчат. Это обусловлено суровыми условиями жизни в Заполярье. Жить приходится при минусовых температурах воздуха, месяцами не видеть солнечного света. В голодные периоды года трудно прокормить большое потомство. Пока волчица кормила волчат молоком, матёрый регулярно приносил ей пищу. Это были задавленные куропатки и зайцы. Когда волчата прозрели и у них появился слух, они уже могли есть полупереваренное мясо. Отец приходил с полным желудком и отрыгивал им пищу.

Через месяц волчонок вылез из логова и оказался под палящими лучами северного солнца. Ему пришлось зажмуриться от непривычки к яркому свету.

Когда открыл глаза, увидел удивительный мир, в котором предстояло жить. Рядом стояли деревья, за ними простиралась тундра. Он ещё не знал, что эта местность называется лесотундрой. Его белый мех был как у зайца-беляка. Местные жители волков с таким цветом меха называют Вайт – от английского слова *white*, что означает белый. Вскоре из логова появилась сестра. Их заинтересовали незнакомые запахи, которые исходили от леса, болота и цветущих вокруг цветов. В логове они привыкли только к запаху матери. Неожиданно перед ними появился крупный волк. От него исходил другой запах чем от матери. Они не знали, что это был их отец и прижались к земле. В тёмном логове они не могли разглядеть его, когда приносил пищу. Мать не позволяла отцу залазить далеко в логово. Это была первая встреча отца с детьми. Он обнюхал их и отошёл в сторону. Запах волчат останется в его памяти на всю жизнь. Матёрый принёс добытого гуся. Волчица почуяла дичь и принялась за еду. В отличии от собак, волки заботятся о волчице в период родов и помогают воспитывать потомство. Когда волчица стала уходить за добычей, он оставался у логова и следил за волчатами.

Матёрый стал приносить волчатам полуживых леммингов и зайчат, чтобы они могли поиграть с ними и, в итоге, задавить и полакомиться добычей. После домашних занятий родители стали учить детей находить в тундре полярных мышей и добывать их. Стояло полярное лето. Круглосуточно было светло. Солнце ненадолго скрывалось за горизонтом, наступали сумерки, и оно вновь выходило из-за горизонта. На озёрах и болотах загнездились тысячи лебеди, гусей, разных пород уток и чаек. Они обустроили гнёзда, чтобы за короткое полярное лето вывести потомство. Семейная пара стала учить волчат охотиться на пернатую дичь. Они обучили их находить утиные гнёзда и зарить их. Когда пернатое племя перешло на водоёмы, начался следующий этап обучения. Они подкрадывались к мелководному водоёму, на котором у берега плавал выводок уток. Выждав момент, когда утка опустит голову в воду за кормом, стремглав бросались к воде. Иногда удавалось схватить утку. Чаще утиное семейство ныряло и устремлялось от берега. Под водой утятта плавают медленно. Волки настигали их и выхватывали из-под воды.

Однажды, подкрадываясь к озеру, перед Вайтом выскочил полярный заяц. Он устремился за ним. Родители остались на месте. Вскоре волчонок понял, что заяц бегает быстрее его. Ему пришлось вернуться к родителям. Отец задал ему лёгкую трёпку. Он испортил охоту на уток. Выводок отплыл от берега.

Наступила осень. В один из дождливых дней дождь перешёл в снежную крупу. Перелётные птицы в одну из ночей покинули места гнездования и улетели на юг. Охота на пернатых закончилась, наступил период охоты на животных. Полярные мыши – лемминги и зайчата давали возможность жить впроголодь. К семейству стали присоединяться молодые волки – дети прошлых помётов. Скоро в стае насчитывалось восемь особей. Им требовалась крупная добыча: олень или овцебык. Матёрый повёл стаю на север, к Ледовитому океану. Он знал, что только там – на просторах тундры, где пасутся табуны северных оленей, найдёт пищу для стаи. Предстоял долгий и тяжёлый путь. Волки могут оставаться без пищи несколько недель. Матёрый чувствовал свою ответственность за стаю, и вёл её в нужном направлении. Над тундрой началась пурга. Штормовой ветер гнал плотную снежную массу. Она забивала глаза снегом и сбивала с ног. Стая улеглась на снег. Пурга замела волков. Под снежным покровом было легче ожидать окончания непогоды. Они пролежали несколько дней. Ветер так же внезапно стих, как и налетел. Волки выгребались из своих лёжек и отряхивались от снега. Их животы подвело от голода. Вожак осмотрел свою стаю и повёл дальше.

2

Северный ветер принёс долгожданной запах, обещающий еду. Вскоре стая увидела пасущихся овцебыков. Всем хотелось броситься к пасущимся животным и утолить голод, но они не смели опередить вожака и начать охоту без его команды.

Овцебыки, увидев приближающихся волков, сгрудились в круг. По периметру стали крупные быки, готовые рогами и копытами встретить нападающих. В центре стояли самки и молодняк. На такую оборону не решится напасть не один волк. Крупные животные ростом полтора метра и весом до шестидесяти килограммов с сильной мускулатурой готовы дать отпор противнику. Их тело покрыто густым и длинным мехом, который позволяет жить в суровом климате Арктики и защищает от любых морозов. Благодаря такому шерстяному покрову, они кажутся больше своих реальных размеров.

Стая волков остановилась перед живой крепостью. Когда кто-нибудь из них приближался к ней, ближайший бык выдвигался вперед, готовясь нанести удар копытом или рогами. Нападающий моментально ретировался. Вожак знал, что надо ждать: у кого первого не выдержат нервы, тот проиграет. Он улегся на снег. Стая последовала его примеру, обложив

овцебыков полукругом. Время тянулось медленно. Первыми не выдержали бездействие быки, которые стояли спиной к волчьей стае и не видели хищников. Они вышли из плотного кольца и побежали. За ними в образовавшуюся брешь побежали коровы и молодняк. Остальным животным ничего не оставалось, как побежать следом. Этого момента ждали волки. Началась погоня. Крупная корова начала отставать от убегающих. Видимо, из-за своего возраста она уже не могла быстро бегать. Кто-то из волков вцепился ей в заднюю ногу и повалил на снег. Подоспевший вожак сжал челюсти на горле обречённого животного. В считанные минуты с жертвой было покончено. Первым выбрать лучший кусок мяса и утолить голод должен вожак. Он предпочёл сочную печень. Началось пиршество. Каждый волк способен за один приём съесть до десяти килограммов мяса. Они глотали куски мяса не пережёвывая, отдыхали и снова ели. От туши не осталось не шкуры, не костей. Волки способны крепкими зубами перемалывать любые кости.

3

Стая отдохнула, набралась сил и продолжила путь. Преследовать табун овцебыков не было возможности. Ежедневные позёмы замели следы. Через сутки они наткнулись на следы табуна северных оленей. Олени возвращались от побережья в лесотундре. У побережья хорошо пасть летом. Постоянные ветра отгоняют гнус, и олени чувствуют себя комфортно. С наступлением зимнего периода они перекочёвывают в лесотундре. Там можно укрыться от ветров и легче добывать из-под снега корм.

У волков было достаточно энергии, чтобы помчаться за табуном, но они не побежали по следам. Вожак экономил силы и вёл стаю в обычном темпе, волки следовали за ним след в след. Он знал, что олени будут останавливаться на кормёжку, и они догонят их. Через несколько суток вожак учился на следах от копыт свежий запах: значит олени уже близко. Он остановился, дал стае время на отдых. Дальше волки пошли цепью. За перелеском на участке тундры паслось несколько сот оленей. Стая помчалась к ним во всю прыть. Первым заметил волков ближайший к ним олень. В испуге бросился бежать, как говорится в поговорке: «Куда глаза глядят». Страх не лучший помощник в бегстве. Он попал в глубокий сугроб, споткнулся и упал. Этой задержки олена было достаточно, чтобы хищники оказались рядом. Они были вознаграждены едой за все лишения.

Через несколько дней они догнали оленей и погнались за табуном. Гнали до тех пор, пока не отстал старый и больной олень, который стал их добычей.

Стая пасла табун до весны. Когда оказались недалеко от своих летних угодий, оставили оленей в покое и отправились в знакомые места. Волчице настало время принести очередное потомство.

4

Молодые волки разбрелись по лесотундре. Наступил сезон индивидуальной охоты. Вайтза прошедший год многому научился. Полученный опыт помогал ему добывать пищу и выживать в одиночку. По натуре он оказался бродягой. Никогда не задерживался на долго на одном месте. За сутки мог пройти несколько десятков километров. Длинный белый мех с подшерстком позволял останавливаться на лёжку в любом месте. Тонкое обоняние и хороший слух позволяли своевременно обнаружить добычу и незаметно подкрасться к ней. Пищей ему служили зайчата, птицы, лемминги, ягоды. Иногда в небольших количествах ел мох. Он чувствовал себя владыкой мира, в котором жил. Ему не было соперников в силе и ловкости. В высоких широтах с суровым климатом и полярной ночью не мог выжить ни один крупный хищник кроме полярных волков. Когда в природе стали происходить изменения: меньше стало пернатой дичи, подул холодный северный ветер, Вайт понял, что пора возвращаться к стае.

Он пришёл к логову родителей вовремя. Вся стая была в сборе. В ней появилось три волчонка: приплод текущего года. На земле уже лежал снег. Для стаи начался очередной сезон зимней охоты. Такие циклы жизни стаи повторялись ежегодно.

В трехлетнем возрасте Вайт стал крупным сильным зверем. Появился густой загривок, по весу превышал вожака. Вес полярного волка может достигать семидесяти килограммов. На Чукотке в 1987 году добыли волка весом восемьдесят пять килограммов. Вайт чувствовал свою силу и решил стать вожаком стаи. У полярных волков существует правило. С поднятым хвостом может ходить только вожак стаи. Все остальные волки должны ходить с опущенными хвостами. Вайт поднял хвост и направился к вожаку. Это означало вызов на поединок. Вожак вскочил на ноги, ощетинился и оскалил зубы. Волчица не хотела допустить драки, и первая вцепилась в шею Вайта. Подоспевший вожак разорвал Вайту кожу на плече. Вайт вырвался из зубов матери, поджал хвост и поплёлся прочь. Он понял, что в стае ему нет места. У волков не существует родственных чувств. Вместе с тем, семейные поры создаются на всю жизнь.

В лексиконе спорящих людей можно услышать выражение: «Не задирай хвост». Может оно произошло от повадки полярных волков?

Вайт лежал и зализывал раны. Инстинкт подсказывал, что надо искать другую стаю или одинокую волчицу, чтобы создать свою семью. Он помнил, что год назад встречал в тундре волчьи следы, уходящие на северо-восток. Тогда у него не было желания встретиться с сородичами. Сегодня запах тех следов заставил направиться их разыскивать. Он долго шёл в нужном направлении. Инстинкт здорового молодого организма гнал вперёд. Так оказался на полуострове Сьюард и вышел на берег Берингова пролива. Он впервые увидел лёд, а вдали плескающееся море. Ветер принёс запах мяса нерпы. В пути он потерял аппетит и мало питался. Возникший аппетит заставил спуститься на лёд и двинуться по ветру на запах. Около промоины на льду лежали остатки нерпы, оставленные белым медведем после трапезы. Вайт перепрыгнул трещину и принялся за еду. Мясо было с привкусом рыбы, но этот запах не испортил его аппетит. Ему приходилось есть лососей, которых добывали волки в мелководных реках, когда рыба шла на икромёт. Увлечённый едой, он не заметил, как сменившийся ветер оторвал льдину и относил всё дальше и дальше в море. Когда прекратил есть и посмотрел в сторону берега, то увидел полосу воды между льдиной и припаем, которую ему не перепрыгнуть.

Сколько дней ветер и течение гоняли льдину по Берингову проливу трудно представить. В конце концов её прибило к Чукотскому берегу недалеко от мыса Дежнева. Как только льдина со скрипом ударилась о льдины у берега, Вайт перепрыгнул на соседнюю льдину и помчался к берегу, перепрыгивая с одной льдины на другую. Трудным оказался прибрежный участок пути, забитый торосами. Он бежал без остановки, пока не оказался на берегу. Впереди лежала бескрайняя тундра, покрытая знакомой ему растительностью. После долгого пребывания на льду, его ноги оказались в привычном мягким моховом покрове. Солнце яркими лучами заливало окрестность. В воздухе кружили крупные чайки. Он медленно пошел от береговой черты в тундру разыскивать гнёзда чаек.

За волком с высокой скалы наблюдали двое мальчишек из небольшого чукотского посёлка Инчоун.

- Чья собака оказалась на льдине? – спросил один из них.
- В Инчоуне нет такой большой белой собаки.
- Может быть она из Уэлена?

– Не знаю. Пойдём домой.

Ребята отправились в посёлок. В нём проживает около четырёхсот жителей в современных коттеджах. Их предки на протяжении веков жили в ярангах. Занимались охотой на морского зверя. Добывали нерп, тюленей, моржей, охотились на китов. Будучи губернатором Чукотского округа, Абрамович построил в посёлке школу и современные коттеджи, в которые переселились жители из привычных яранг. На Чукотке не редки морозы ниже сорока градусов. В новых домах с центральным отоплением стало жить комфортно. Построенная в посёлке звероферма, приносила хорошие доходы. У местных жителей появились снегоходы. Некоторые продолжают держать упряжки собак для дальних поездок.

7

Вайт разорил несколько гнёзд чаек. Утолив голод, направился по тундре в южную сторону. Ему хотелось уйти дальше от моря со льдом, которое оставило неприятные воспоминания. Широкие ступни лап не проваливались глубоко в моховой покров тундры. На кочках плотным слоем всюду лежала прошлогодняя клюква. Он на ходу хватал ягоды вместе с мхом и с удовольствием поедал. Терпкий запах багульника перебивал все другие запахи. Ему приходилось надеяться больше на зрение, чем на обоняние. Вдали заметил табун оленей. Состояние расслабленности вмиг исчезло, все мышцы напряглись. Стал ползком между кочек подкрадываться к табуну. Ему удалось подползти довольно близко, оставалось дождаться, когда какой-нибудь олень отойдёт в сторону. Неожиданно от табуна к нему помчалась с лаем собака. Вскочив на ноги, Вайт приготовился к схватке. Он впервые видел собаку. Она была похожа на волка, но меньше ростом и тёмного цвета. Не добежав до волка, остановилась и продолжала лаять. Вайт собрался броситься на неё, но в это время у табуна появился человек и выстрелил в верх. Увидев человека и услышав оглушительный звук выстрела, Вайт побежал прочь от оленей. Волки способны бегать со скоростью до шестидесяти километров в час, но в тот момент он, вероятно, бежал быстрее.

Всё лето Вайт бродил по лесотундре. Она ничем не отличалась от лесотундры Аляски. В ней водились такие же зайцы, песцы, лемминги и птицы. Недостатка в еде не было. Несколько раз встречал табуны диких оленей, но он к ним не приближался. В памяти сохранился выстрел, а при наличии мелкой дичи нападать на оленя не было смысла. Он искал следы сородичей, но они ему не попадались. Только поздней осенью, когда снег начал покрывать землю, наткнулся на следы одинокой волчицы. Его чувства

обострились, инстинкт стайной жизни требовал встречи. Он помчался по следу. Волчица шла не останавливаясь. Она возвращалась к своей стае, которую покинула весной. За лето не нашла себе пару, чтобы создать семью. На зиму вынуждена искать родную стаю, чтобы присоединиться к ней для совместной охоты. Она почувствовала, что её кто-то догоняет. Повернулась назад и увидела приближающегося крупного волка. Хорошее чутьё позволило определить, что это волк самец. Всё лето она искала такой встречи. Вайт остановился в нескольких шагах от неё и повилял хвостом. Перед ней стоял высокий с широкой грудью волк и вилял хвостом. Белоснежная густая грива отливалась серебром в лучах осеннего солнца. Она в ответ вильнула хвостом, подошла к нему, потёрлась головой о его голову и лизнула в морду. Этим жестом дала понять, что рада встрече и готова с ним дружить. Вайт тоже лизнул её. Состоялся ритуал двух сердец, жаждущих создать семью и завести потомство. Волчица легонько толкнула Вайта в бок и затрусила в сторону, в которую им следует идти. Вайт последовал за ней. Бежал рядом, иногда касаясь её бока, полностью полагаясь на неё. Она не оставляла без внимания его прикосновения и проявляла ласки, касаясь головой его головы.

Через несколько дней они нашли следам стаи. Стая, преследовала табун оленей. Несколько раз находили следы пиршества у добытого оленя. Обнюхивая и рассматривая волчьи следы, Вайт знал, что в стае есть крупная волчица и прибыльные волчата двух помётов. Догнали стаю, когда она отдыхала на кромке соснового массива. Учуяv незнакомого волка, все соскочили на ноги и ощетинились. Вайт остановился, не выражая агрессии и повилял хвостом, выражая добрые намерения. Мать волчица ощетинилась и направилась к нему. Стая ожидала команды напасть на пришельца. Она подошла к Вайту, и они обнюхались. После этого повиляла хвостом, приглашая в стаю. Она была старше Вайта. Отец её детей погиб этой осенью при схватке с медведем. Волки не заводят вторую семью. У них нет измен и разводов. Если один из пары погибает, второй до конца жизни остаётся одиночкой. Волчица стала вожаком пока дети подчиняются и слушаются её.

Ласковая волчица подошла к сёстрам и братьям. Они обнюхались и приветствовали друг друга вилянием хвостов. Вайт оглядел семейство и понял, что он всех сильнее и крепче. Претендовать на главенство в стае не стал, пока не проявит себя на охоте.

Стая гналась за табуном оленей, ожидая, когда какой-нибудь олень отстанет и будет их добычей. Олени мчались по кругу вокруг лесного массива. Вайт свернулся в лес и бросился им на перерез. Когда выскочил из леса, олени с большой скоростью мчался против него. Увидев волка, в табуне началась паника. Они стали поворачивать от леса. Бежавшие сзади натыкались на передних. Этой заминки хватило Вайту, чтобы в несколько прыжков оказаться рядом. Он прыгнул на ближайшего оленя и своей массой сбил его с ног. Затем вцепился в горло. Вес молодого оленя был в два раза меньше веса Вайта. Подоспевшая стая устроила пиршество.

До весны стая успешно охотилась коллективно. С появлением перелётных птиц, волки разбрелись по лесотундре. Вайт с Ласковой нашли брошенную медведем берлогу, вырытую под корнями, поваленной ветром сосны, и устроили в ней логово. В нём было просторно, пол выслан сухим мхом, которым медведь на зиму закрывал вход в берлогу. Вскоре у них появились трое волчат. Любящая пара проявляла к волчатам нежность и заботу. К осени они были подготовлены к жизни в волчьей стае.

С наступлением холодов и снежного покрова они стали разыскивать родственников Ласковой. На встречу пришли только пять волков из последних двух помётов матери Ласковой. Мать не пришла. Она поняла, что в стае будет обузой и предпочла одинокую жизнь. Вайт поднял вверх хвост. Он безоговорочно был признан вожаком стаи. Никто не посмел поднять вверх хвост. Теперь все участники стаи будут повиноваться ему.

Ласковая, в свою очередь, тоже приобрела привилегии и обязанности. Теперь только она может иметь потомство в стае. Она будет следить за поведением остальных представительниц слабого пола.

Из-за суровой строгости законов стаи у белых полярных волков практически исключены драки и разборки внутри стаи.

9

В восьмилетнем возрасте Вайт впервые промахнулся, прыгая на загнанного стаей оленя. Поняв, что вожаком ему больше не быть, а в стае будет обузой, покинул стаю. Вместе с ним ушла Ласковая. Пожилая пара дружно жили и вместе охотились. Однажды, они гнали зайца, ожидая, что он сделает скидку и попадёт кому-нибудь в зубы. Заяц, видимо, это понимал и мчался по прямой линии. Неожиданно Ласковая споткнулась и упала. Вайт прекратил погоню и вернулся к ней. Его подруга лежала без дыхания. Её

сердце износилось и не выдержало долгой погони. Он издал протяжный громкий вой, пугающий всех зверей, живущих в окрестности. В нём слышалась боль утраты, горе, потерявшего подругу, и безысходность. Ему хотелось оставаться с ней навсегда. Положив голову на передние лапы, улёгся рядом. Ему вспоминалась прожитая жизнь, сколько лишений пришлось преодолеть прежде, чем встретил Ласковую. Вот теперь её не стало. Снег давно замёл волчицу. Вайт продолжал лежать. Голод поднял его и заставил побрести усталой походкой по заснеженной тундре.

Охотник из посёлка Инчоун ехал на снегоходе проверять капканы, расставленные на песцов, увидел след одинокого волка и погнался за ним. Вайт услышал звук снегохода раньше, чем охотник увидел его. Бросился бежать. Силы постепенно покидали его, и он свалился в снег замерзть.

Он прожил достойную жизнь полярного волка. Оставил потомство для продолжения рода. Мало кто из волков доживает до восьмилетнего возраста в суровом климате Арктики. В неволе, в зоопарках, полярные волки проживают в два раза дольше.

Судьба волка

На вершинах гор погасли отсветы угасшей зари. Сумрак окутал лес, замерли последние звуки, с гор потянуло прохладой. Вожак волчьей стаи ждал этого момента, чтобы повести стаю на охоту. Он проголодался, в течение нескольких дней охота была неудачной. Преследуемый стаей прошлой ночью марал по глубокому снегу смог от них оторваться и уйти за перевал. Сумрак возбуждал у него аппетит. Вожак поднялся на ноги, потянулся и прислушался. Из глубины распадка доносился шепот протекающего ручья. Он втянул ноздрями воздух, и его мозг как электронная машина определил все запахи, доносящиеся из леса. Среди них, представляющих опасность, не было. Волки больше доверяют обонянию, чем зрению и слуху.

Вслед за ним с лежек поднялись десять волков и замерли в ожидании команды. Вожак оглядел стаю, оценивая силы, облизнулся и вытянул хвост. Это означало, что сегодня будет добыча, следуйте за мной. Он решил повести стаю в ущелье, где паслось стадо совхозных маралов.

Природа погрузилась в глубокий сон, затихли голоса птиц, не слышно звуков от передвижения животных. Холодный свет луны проникал между кронами хвойных деревьев и желтыми пятнами ложился на снежный покров.

Впереди шел Вожак, следом за ним – вся стая, ставя лапы след в след. По такой цепочке следов невозможно определить, сколько прошло зверей. Он периодически останавливался, прислушивался и принюхивался, постоянно держал направление на ветер, чтобы улавливать запахи на своем пути. Зверей чуяли белки, дремавшие на кедрах в гнездах, называемых гайно. Они знали, что на дереве им волки не страшны. Стая шла по своему охотничьему участку. В течение нескольких дней на нем не удалось встретить следов марала. Здесь Вожаку были знакомы каждое ущелье, каждый перевал, каждая тропа. В летний период он не позволял никому из сородичей заходить на свою территорию, которая по периметру была им помечена на выступах скал, валежинах и стволах деревьев. Многие волки испытывали на себе его силу и острые клыки. С наступлением зимы добывать пищу вдвоем с волчицей становилось труднее. Перелетные птицы улетели, молодые звери повзрослели и набрались опыта. О добыче лося или марала нечего и думать. Наступил голодный период, настало время волкам объединяться в стаю. По волчьему закону, подросшее и обученное потомство изгонялось с участка родителей. С наступлением холодов вожак обошел по границе свой участок. В нескольких местах его ждали сородичи, он делал отметки на привычных местах, приглашая волков собраться в стаю. Вожак объединил одиннадцать волков. За ним следовали: волчица, четверо переярков и пять волков, присоединившихся к стае из другой местности. В таком составе легче было устраивать загоны на копытных. В начале зимы они успешно охотились на косуль. И вот настало время, когда надо было искать дичь за пределами своего участка. Он чувствовал себя ответственным за добычу пищи для стаи и, нарушив законы леса, вел волков в распадок, на который распространялось табу. Там маралы ходили табуном, и всегда ветер приносил запах человека, самый неприятный и страшный для волка. Он неоднократно бывал в том краю, но никогда не осмеливался напасть на пасущихся маралов. Его пугал запах человека.

Сегодня он вынужден был повести стаю туда, где много пищи. Его беспокоили взгляды голодных сородичей. Недобрый косой взгляд крупного волка, присоединившегося к стае с волчицей, говорил ему о многом. Это был его брат из более позднего помета матери, но волки не помнят родства и не делают снисхождения родственникам. Силы у них были равны, но чужак был намного моложе. В случае схватки – неизвестно кто победит. Вот почему ему сегодня непременно нужна добыча.

Из куста перед носом вожака выскочил заяц-беляк и клубком покатился по склону в лог между растущими сосновами. Он казался желтым в бледном свете луны. Стая ничего не стоило окружить его и задавить. Один прибыл волк даже

бросился за ним. Вожак остановился, сморщил нос и издал еле слышный звук. Этого было достаточно, чтобы стая остановилась и замерла, а нарушитель порядка вернулся на свое место. Любое самовольство в стае должно быть наказано. Таков закон волчьей жизни. Без дисциплины не будет удачной охоты. Вожак подошел к съежившемуся виновнику задержки в переходе и резким движением разорвал клыком кожу на его плече. Этим он показал всем, что так будет с каждым, кто нарушит закон, по которому в стае все команды к охоте подает вожак.

На вершину хребта, за которым простиралась долина, волки пришли перед рассветом. Звезды начали меркнуть, луна приобрела белый цвет, в долине сгостила темнота. Вожак замер. Втягивая в ноздри воздух, он старался уловить запахи, которые доносил слабый ветерок из ущелья. Поджарый хищник высокого роста, с широкой грудью, лобастой головой, на крепких ногах казался изваянием на фоне ночного неба. Его чутье уловило запахи маралов, опасных запахов ветерок не приносил. Он понимал, что пора начинать охоту, чтобы управляться до полного рассвета. Повернувшись к волчице, подал ей знак следовать к вершине ущелья для загона маралов вниз по долине. Волчица хорошо знала свое дело. Не первую зиму она участвовала в загонах копытных животных. Волчица и раненый волк растворились в утреннем полумраке. Остальную стаю вожак повел за собой вниз по откосу, чтобы устроить засаду на пути движения маралов.

Девять хищников улеглись цепью поперек долины. Они разрыли снег под собой, чтобы лапам для опоры во время прыжка был твердый промерзший грунт. В вырытых лунках волчьи спины слились с поверхностью снега, и их трудно заметить бегущим в испуге животным.

Маралы на слух надеются больше, чем на зрение. Обоняние им мало поможет во время стремительного бега. Волки это хорошо знали и приняли все необходимые меры предосторожности.

Холодный рассвет выполз из-за хребта в верховье ущелья. Слабый ветерок притих перед рождением нового дня.

Волчица торопилась. Она знала, что ее путь длиннее, чем стаи в засаду. Достигнув верховья распадка, спустилась в долину и, не останавливаясь, двинулась в сторону запахов, бередящих и возбуждающих аппетит. Когда её обоняние подсказало, что подобралась довольно близко к табуну, она издала протяжный вой. Около сотни маралов вскочили с лежек и беспорядочно устремились прочь от раздирающего душу воя. Их копыта вздымали клубы снега и прикрывали бегство снежной завесой. Волчица и прибылой бежали за ними, не делая попытки догнать. Они должны только нагнать зверей на засаду.

Услышав вой волчицы, Вожак напрягся, поджал задние лапы, приготовившись к прыжку. Два марала пробежали почти рядом, но его взгляд устремился на крупного зверя, летящего прямо на него. Когда марал в прыжке был почти над ним, вожак как пружина разжался и взлетел вверх, схватив его за горло. Звери свалились в снег. Вожак сжимал челюсти всё сильнее и сильнее, вонзая острые зубы все глубже и глубже. Марал пытался поднять голову и встать на ноги, но вес хищника был неподъемным. Он беспомощно колотил копытами снег – удары не доставали волка.

Когда волчица подбежала к месту схватки, сородичи уже разделяли четыре туши. Она присоединилась к пиршеству. Прежде всего, они съели внутренности: печень, сердце и легкие. Затем напились теплой крови и только потом стали рвать и глотать куски мяса.

Набив желудки, волки раздулись как пузыри. Им трудно было подняться, и они отвалились на снег около недоеденной добычи.

Наступило хмурое утро, темные тучи медленно ползли над вершинами гор. Над распадком уже парил черный ворон и оповещал всех жителей гор и тайги радостным хриплым криком:

– Карра...карра... кrra-ка-ка...кrra-ка-ка...

Этот крик означал, что ворон нашел добычу. Скоро в ущелье соберутся не только его пернатые сородичи, но и разные мелкие хищники, могут прийти люди.

Вожак понимал, что около недоеденной добычи оставаться нельзя. Надо уйти в безопасное место и отоспаться. Жизнь стаи начнется после того, как будет переварено мясо в желудках и волки почувствуют голод. Он поднялся со снега, вслед за ним – волчица и вся стая. Волки покидали место пиршства. Сзади оставались четыре кровавых пятна на утоптанном снеге, нетронутые головы маралов, кости с остатками мяса.

Закончились зимние метели, отступили холода. Солнце чаще стало появляться между туч, плывущих над горами. С приходом весны стая распадется. Матерые займутся приготовлением логова для будущего потомства, молодежь начнет самостоятельную жизнь и охоту. Пока волки еще охотятся совместно. Этой ночью вожак ведет их в страну маралов.

Несколько разбойных нападений на табун заставил людей загнать маралов в загон, называемый зимником.

Под покровом темноты ночные хищники бесшумно продвигались по склону ущелья Алтайских гор. Впереди шел вожак, за ним – верная и преданная ему волчица. Следом материальная пара, за ними прибыльные и переярки. За зиму стая отработала приемы загонной охоты на копытных животных. Каждый знал свое место на переходе и во время охоты. Поднявшись на гребень перевала, они остановились. Вожак подал команду всем оставаться на месте, а сам начал спускаться в долину, из которой доносился запах, возбуждающий аппетит и придающий силы к достижению цели. Он осторожно спускался под уклон по глубокому снегу, постоянно втягивая в ноздри холодный воздух. Перед зимником – загоном с маралами остановился и прилег на снег, чтобы убедиться, нет ли рядом запаха человека. Маралычуяли его и начали беспокоиться. У вожака созрел план действия, и он прыжками, не таясь, вернулся к стае.

Волки лавиной, вздымая снег, понеслись под уклон. Маралы почуяли беду и стали метаться по загону.

Когда серые разбойники подбежали к изгороди и, разделившись на две группы, помчались вдоль нее в обе стороны, маралы метнулись к противоположной стороне. Передние животные остановились перед забором, подбегающие следом давили на них с такой силой, что изгородь не выдержала, и в ней образовался пролом. Маралы, как бурный поток реки, понеслись из загона. Этого и надо было хищникам. Они подбегали к этому потоку с двух сторон и резали испуганных животных. Обезумев от ярости и вида крови, волки учинили побоище, зарезав маралов в несколько раз больше, чем могли съесть.

Охотники давно готовились к облаве на волков, чтобы пресечь их разбой. Последний случай заставил немедленно действовать. Двое опытных охотников пошли на широких лыжах, подбитых камусом, снятым с ног маралов, по следу стаи. Глубокий снег оседал под лыжами и затруднял движение. Волкам идти было не легче. Они оставили после себя траншею в мягком снегу. Когда солнце выкатилось из-за гор, следы привели в распадок, заросший молодым ельником, в котором серые улеглись на дневку. Охотники поспешили своим следом назад, чтобы в светлое время суток успеть обложить стаю.

На облаву собралось более десяти человек. По наторенной лыжне они быстро добрались до распадка, в котором беспечно спали разбойники после обильной еды. Стрелки остались у подножия, загонщики двумя группами пошли в обход по склонам, разматывая с катушек телефонный провод с красными флагами.

Обложив волков, загонщики, издавая шум трещотками и стуча палками по стволам деревьев, двинулись вниз по распадку к зарослям ельника.

Услышав отдаленный шум, стая вскочила на ноги. Вожак стоял в напряжении, вслушиваясь в приближающийся шум. В панике волки забыли о дисциплине и врассыпную помчались по склону. Но путь преградил натянутый шнур с красными флагами, которые вселили страх. Волки повернули обратно и помчались на противоположный склон. Там их ожидало такое же препятствие. А шум загонщиков приближался. Тогда стая понеслась вниз по распадку.

Вожак с волчицей остановились перед шнуром. Он не знал, какое принять решение. Когда внизу раздались ружейные выстрелы, вожак вспомнил, что несколько лет назад от таких выстрелов погиб его отец и несколько братьев. Значит, в ту сторону бежать нельзя. Он пополз, разгребая под собой снег. Оказавшись по другую сторону флагов, поднялся на ноги и поманил к себе волчицу, но она не решалась последовать его примеру. Тогда вожак по прорытой борозде вернулся к волчице и, толкнув ее грудью, вновь полез под флагами. Она во всем доверяла ему и последовала за ним. В ущелье продолжали раздаваться выстрелы, которые вселяли страх и придавали силы для бегства.

Охотники торжествовали. Они уничтожили матерых волка и волчицу, и семь молодых волчат. Когда собирали провод, увидели в снегу борозду под флагами, по которой кому-то из стаи удалось удрать, но это их сильно не огорчило.

3

Весна торопилась. Солнце с каждым днем поднималось выше над горизонтом, снег оседал под его лучами. Вокруг деревьев образовались воронки от просевшего снега. По ночам еще случались заморозки и снег покрывала корка наста. Матерый и волчица спустились с гор. Они шли по незнакомой местности, изрезанной логами, заросшими лиственным лесом и кустарниками. На равнине раскинулись поля с многочисленными березовыми колками. Далеко позади остались горы с их охотничим участком и логовом, в котором несколько лет выводили потомство. Волки боялись мести людей и подыскивали в предгорье удобное место для охоты и устройства логова. Позавчера волчица успешно нагнала на вожака табун косуль. За два дня от добытой косули, кроме клочьев шерсти, ничего не осталось.

На рассвете волк поднялся и прислушался. Его слух уловил клич ворона, призывающий своих собратьев на пир. Этот крик хорошо знаком всем обитателям леса. Он посмотрел на свернувшуюся клубком волчицу и сделал несколько шагов. Она поднялась с лежки и последовала за ним.

Вдали над полем кружились крупные черные птицы. На их крики подлетали новые сородичи, все торопились к найденной добыче.

За ночь снег подмерз, наст хорошо держал волков. Они спешили узнать, на какой пир слетаются пернатые. При удобном случае ворон тоже может стать неплохой добычей для волка.

Среди поля на снегу, как на белоснежной скатерти, лежала туша крупной лосихи. Ее ранили браконьеры. У могучего зверя хватило сил уйти от них, но посередине поля, истекая кровью, она прилегла отдохнуть и закончила свой жизненный путь. Наступившая ночь не дала возможности браконьерам преследовать ее по следу. Вокруг нее копошились птицы и мелкие хищные звери. Каждый старался ухватить кусок мяса. Здесь были крупные черные вороны, серые вороны, колонок и хорек. Вороны успели расклевать у лосихи живот и выклевать внутренности.

При приближении волков птицы разлетелись по сторонам и уселись на снег в ожидании остатков после пиршества крупных хищников. Колонок, отбежав в сторону, пытался спрятаться в снегу, но прочный наст не поддался его слабым лапам. Тогда он со всех ног пустился по насту к логу, из которого прибежал. Хорек же посчитал добычу своей и не захотел уступать ее более сильным зверям. Он облил мясо коровы жидкостью с резким неприятным запахом и нырнул через выеденный живот в грудную клетку лосихи.

Подбежав к расклеванной туше, волк оскалился и щелкнул зубами. Этим он предупредил всех, что отныне он хозяин добычи и никому не советует приближаться близко, пока он не насытится. Прежде всего, следовало полакомиться внутренностями лося. Волки, как и люди, любят лосиную печень, но из утробы исходил отвратительный запах. Вожак крепкими зубами начал рвать на груди лося мерзлую шкуру, чтобы добраться до лакомой грудинки. Волчица подошла к расклеванному боку лося и стала отрывать куски мяса вместе со шкурой. Хищники не жуют мясо, а глотают кусками.

Насытившись, матерый отошел в сторону и растянулся на снегу. Когда под зубами волчицы затрещали ребра лося, из своего укрытия выскочил хорек. Она поймала его пастью, хотела раздавить и проглотить, но неприятный запах, исходящий от пойманной добычи, заставил выбросить хорька в снег.

На снегу вокруг туши валялись клочья шерсти и торчали обглоданные ребра.

Набив желудки, волчья пара улеглась вблизи переваривать мясо. Их животы раздулись, наступило благодушие, не хотелось двигаться. Не в их обычай было оставлять остатки пернатым соперникам, сидящим в стороне на снегу в ожидании своей очереди на пир.

Когда волков изнуряет голод, живот подтягивается к хребту, ребра выпирают через шкуру. У них становится меньше сил для охоты. Но обжорство отнимает у них не меньше сил, чем голод. Им становится тяжело передвигаться.

4

Браконьеры на снегоходе «Буран» разыскивали следы лося, которого ранили вчера вечером. Наступившая темнота не позволила им догнать подранка. Они сильно не беспокоились, зная, что за ночь лось истечет кровью, и они легко найдут его по кровавому следу. Неожиданно на их пути встретились следы волков. Не задумываясь, они устремились по их следам. Шкуры добытых хищников сулили хороший заработок.

Матерый, услышав шум мотора, приподнялся и повернулся в сторону незнакомого звука. Пока снегоход двигался в стороне, у него не было причин для беспокойства. Но вот тонкий слух волка уловил, что шум стал приближаться к нему. Его охватило беспокойство, он бросился бежать прочь от растерзанной туши лося к логу. Волчица последовала за ним. Стая пернатых, напуганная волками, взлетела с их пути и опустилась к поживе.

Переполненные желудки волков сдерживали бег. Шум снегохода сзади быстро приближался. Зверей охватила паника, они бежали на пределе сил. Когда до спасительного лога оставались считанные метры, раздался выстрел, и волчица, споткнувшись, покатилась по твердому насту. Волк остановился только тогда, когда оказался в густых зарослях. Он ждал волчицу, но она не прибежала. До его слуха долетел шум удаляющегося снегохода.

С наступлением темноты, он направился разыскивать подругу. На кромке поля обнаружил кровь и след снегохода, который на буксире тащил убитую волчицу. Этот след привел его в небольшой поселок. Волчицу втащили в ворота двора на окраине. Когда он подошел к дому, во дворе яростно залаяла собака. На лай на крыльце появился человек. Волк стремглав выбежал из поселка, добежав до

пригорка, повернулся в сторону поселка и завыл громко и протяжно. В этом вое слились горе и скорбь по волчице.

В течение длительного времени жители поселка каждую ночь слышали душераздирающий вой. Матёрый звал свою подругу.

С тех пор прошло много лет, но старожилы говорят, что в ненастную погоду им слышится вой одинокого волка.

Тунгус

Северное солнце выглянуло из-за холма и покатилось по чистому весеннему небу. Оно поднималось все выше и выше по небосводу. В его лучах заиндевевшие за ночь вершины сосен и елей заиграли ослепительными блесками. Потеплел воздух. Постепенно стал отмякать наст – корка замерзшего снега, которую местные охотники называют чилимом. На его поверхности множество ледяных иголок и острых пластинок. В дыхании природы, в гомоне птиц чувствовался перелом в погоде. Зима больше не заиграет метелями, не ударит сильными морозами.

Тунгус бежал по следу лося, подушки его лап, изрезанные чилимом, кровоточили, оставляли кровяные следы на снегу. Пытаясь приглушить жажду и тяжелое дыхание, он на бегу лизнул наст. Вместо облегчения почувствовал порезы на языке.

Солнце пригревало сильнее и сильнее, наст слабел. Вот он проломился под копытами сохатого, и зверь завалился тяжелой тушей в снег, оставив в нем вмятину. Лось пружинисто вскочил на ноги и вмиг оказался на насте. Теперь его прыжки стали короче, копыта часто пробивали наст, и ноги безжалостно резала его кромка.

Настал решительный момент. Наст уже не держит зверя, но еще держит собаку. Тунгус из последних сил устремился вперед. Он должен догнать лося и задержать до подхода охотников. Его дыхание было частым, язык вывалился из пасти, живот подвело, под кожей можно было пересчитать ребра. Последние дни хозяин кормил его несколькими ложками каши вместо мяса, к которому он привык во время охоты.

Солнце подбиралось к полудню, отогрело наст, и он стал проваливаться под собакой. Тунгус потерял скорость бега, кожа ног до костей, изрезанная настом, кровоточила. Наконец он выбился из сил, ноги отказали служить, безвольно опустился на снег. Немного отдохнув, стал зализывать окровавленные раны.

За этим занятием его застали подошедшие охотники. Он посмотрел на хозяина виноватым взглядом и безвольно вильнул один раз хвостом, попытался подняться на ноги, но силы покинули его, и он рухнул на снег.

Охотники понуро стояли около собаки. Они понимали, что рухнула последняя попытка добыть пищу себе и собаке.

– Что будем делать? – спросил Осип у хозяина Тунгуса – Павла.

– Надо выбираться из тайги пока сами не свалились с ног как Тунгус.

– Я не о том. Что будем делать с собакой? Ему не дойти до избушки, не то, что до села. Корма у нас нет, чтобы ему оставить. Будет мучиться и умрет от голода.

– Что ты предлагаешь?

– Может помочь ему, чтобы не мучился.

Павел догадался, о чем ведет речь Осип, но решил уточнить:

– Что советуешь?

– Надо пристрелить. Он уже не работник и не жилец.

– У меня не поднимется рука, и тебе не разрешу, – с возмущением ответил Павел.

– Восемь лет Тунгус мне верно служит, всегда был товарищем на охоте. И вот теперь ты предлагаешь его так отблагодарить? Пойдем к избушке.

Путь оказался нелегким. Лыжи проваливались в размякший снег, лыжню приходилось мять, проваливаясь почти по колено в снег. Голодные люди изнемогали от усталости, но опыт и упорство заставляли идти вперед. Они знали, что с каждым шагом сокращается расстояние до избушки. Добравшись до тенистого сосново-кедрового массива, вздохнули с облегчением. Здесь наст держал человека на лыжах, но стоило выйти на открытый от тени участок, как лыжи проваливались, и охотник оказывался по пояс в снегу. Приходилось снимать лыжи, вытаскивать их из снега и укладывать перед собой, чтобы, опираясь на них, выбраться из снежной ямы, стать на колени, а затем осторожно встать на ноги.

Не легок труд охотника – промысловика. Удача – фарт зависит от погоды и многих других факторов. Зима в тот год была многоснежной. С мутного неба часто валил снег. Лоси и олени откачивали с их участка, пушные зверьки отсиживались в своих убежищах. После каждой метели приходилось откапывать капканы и ловушки. За весь сезон им не удалось добыть ни одного копытного зверя. Довольствовались редко встречавшимися глухарями.

Когда солнце покатилось к закату, охотники поднялись на вершину холма, с которого их взору открывалась долина. Где-то там, на берегу ручья, стоит их маленькая добротная избушка, рубленная из бруса. Брус доставляли вертолетом. Охотничий промысел давал хорошую прибыль. Охотников завозили и вывозили с промысловых участков вертолетами. Павел около десяти лет промышлял на этом участке. Каждый год вертушка прилетала за ним в назначенное время. В этом году почему-то не прилетела. Как на грех сели батарейки радио, и он не мог связаться с проходом. В ожидании вертолета закончились продукты. Вчера на берегу ручья они увидели следы лося и решили его добыть прежде, чем отправиться в дальний путь домой.

Не знали охотники, что начавшаяся перестройка многое изменила в жизни простых людей. Их промысловое хозяйство обанкротилось, у него не было денег на аренду вертолета.

Спуск с холма оказался не легче, чем подъем. Когда показалась избушка с дверью, подпertenой колом, их силы были на исходе.

Затопив печь дровами, приготовленными утром, Павел повалился на нары. Теплый воздух от печки буржуйки стал быстро распространяться по избушке. Он приподнялся, снял суконную охотничью куртку и вновь улегся на спину с закрытыми глазами. Его мысли были о брошенном Тунгусе. Как на яву, он видел лежащую на снегу собаку с изрезанными окровавленными ногами, с умными все понимающими глазами. Его видение прервал голос Осипа:

– Выходить придется с рассветом и идти только по насту, – он продолжал начатую в уме мысль, – как ты думаешь, за сколько дней преодолеем восемьдесят километров?

– Нам придется сделать круг, – ответил Павел.

– Это еще зачем?

– Пойдем на профиль, по нему за день доберемся до нефтяников. У них добудем продуктов, отдохнем и спокойно двинемся домой.

– Тогда поднимайся, попьем чая и на боковую, чтобы встать раньше.

Павел поднялся задолго до рассвета, затопил печь, поставил варить кашу из последней горсти овсянки. За дверью послышался слабый скулящий голос Тунгуса. Павел не поверил своим ушам и опрометью бросился открывать дверь. Свет от лампы осветил через проем сидящего на снегу Тунгуса. Необычайная радость охватила Павла, он подошел к собаке и погладил по голове. К его горлу подступил комок. В ответ на ласку Тунгус жалобно заскулил. В этом звуке слились

воедино радость встречи с хозяином, боль от полученных травм, обреченность горечь разлуки. В мыслях Павел уже простился с верным другом.

Собака оказалась преданней людей. Ночью по насту, превозмогая голод и боль, она пришла к людям, которые бросили ее на произвол судьбы.

– Заходи в зимовье, – только и смог произнести Павел.

Тунгус с трудом поднялся на четыре лапы и, пошатываясь, зашел в избушку.

Увидев Тунгуса, Осип по-своему обрадовался и обдумывал, как высказать свои мысли.

Павел разделил сваренную кашу на две части. Одну миску поставил перед Осипом со словами:

– Ешь, пора в путь.

Затем, посмотрев на свою порцию, поставил миску перед Тунгусом. Тот благодарным взглядом посмотрел на хозяина и, не спеша, стал языком подбирать кашу из миски.

– Что ты делаешь? – удивился Осип, собака обречена. Тебе самому нужны силы, чтобы выбраться из тайги.

– В старые времена у приговоренного человека к смерти выполняли последнее желание. Я выполнил желание Тунгуса.

Немного подумав, Осип высказал давно таившуюся у него мысль:

– Может, мы его освежаем? Мяса хватит напрямую добраться до дома, не надо будет делать крюк к нефтяникам.

Эти слова возмутили Павла, он почувствовал плевок в души, на свои переживания, поэтому ответил грубо:

– Я скорее застрелю тебя, чем Тунгуса.

С этого момента он почувствовал, что больше у него дружбы с Осипом не будет, и он не возьмет его в следующий сезон напарником в свои угодья.

Охотники надели рюкзаки с пушниной, закинули на плечи ружья и вышли из избушки. Павел остановился около дверей и посмотрел в избушку. Тунгус не вылез из-под нар. Тогда он открыл дверь настежь и придавил колом, чтобы не захлопнулась.

Павел шел впереди, он знал направление на профиль. Небо на востоке начинало сереть, предвещая рождение нового дня. В тайге стоял полумрак, она

казалась вымершей, только скрип наста под лыжами нарушал покой спящего леса. Идти через кедрач было легко, стволы кедров – великанов на несколько метров от земли не имели ветвей. Когда вошли в массив пихтача, пришлось продираться через густой подлесок. Его лапы цеплялись за одежду, царапали лицо. С восходом солнца Павел повернул правее градусов на тридцать.

– Почему ты изменил направление маршрута? – послышался сзади голос Осипа.

– Профиль проложен строго с севера на юг, так мы быстрее попадем на него.

После этих коротких фраз, бывшим приятелям не о чем было разговаривать. Каждый думал о своем. Павел о Тунгусе, вспоминал отдельные эпизоды охот с ним, которые останутся в памяти на всю жизнь. Осип прикидывал в уме, на какую сумму сдаст добытую пушнину и как распорядится полученными деньгами.

Неожиданно лес перед охотниками расступился, они вышли на широкую просеку среди хвойного леса, называемую профилем. Павел достал из рюкзака маленький аккуратный топорик и по привычке сделал затес на молодой сосне.

– Ты собираешься сюда когда-нибудь прийти? – удивился Осип.

– На всякий случай, вдруг пригодится,

Профиль вывел охотников поздним вечером к буровой вышке, залитой электрическими огнями, как новогодняя елка. На их пути в нескольких километрах от вышки стояли вагончики участка гидронамыва. Остановившись у ближайшего из них, Павел снял лыжи и постучал в дверь.

– Кто там? Входи! Дверь не закрыта, – раздался голос.

Валентин Петров взглянул на вошедших людей с заросшими лицами и впалыми глазами и вмиг оценил обстановку. Перед ним стояли мужчины среднего роста в охотничьей одежде. У одного борода была черной, как сажа, у второго – рыжей. По их волосатым лицам трудно определить возраст, но судя по осанке и глазам, они были не старики.

– Раздевайтесь, садитесь к столу.

Он ценил и соблюдал традиции севера. Путника, уставшего с дальней дороги, прежде всего, надо накормить. Если захочет сам расскажет, кто он и куда идет.

Неожиданным гостям приглашение дважды повторять не требовалось. Они поставили ружья в угол, туда же положили на пол рюкзаки, повесили куртки на вбитые в стену гвозди и присели к столу.

– Попейте чая с дороги, – сказал Валентин, ставя перед охотниками эмалированные кружки, – а я на скорую руку что-нибудь приготовлю.

Он неспеша нарезал хлеб, пододвинул на средину стола сахарницу и, сняв со шнура, натянутого у дальней стены вагончика, двух вяленых язей, положил перед гостями. Затем снял с плиты горячий чайник и, поставив на берестяную подставку на угол стола, произнес:

– Наливайте сами, будьте как дома.

– Но не забывайте, что в гостях, – продолжил поговорку Павел.

На его губах скользнула улыбка и потухла под густой черной бородой. В карих глазах усталость сменилась блеском. Он подумал: «Мы встретили хорошего человека, теперь благополучно доберемся домой».

Тем временем Осип налил в кружки рыжеватого цвета жидкость. По вагончику распространился аромат таежных трав. Чай был заварен шиповником и разными травами.

После нескольких дней голодания, охотники с удовольствием жевали хлеб с кусками жирной рыбы и запивали чаем.

– Никогда не думал, что чай с соленой рыбой вкуснее, чем с сахаром, – произнес Осип.

– Не торопитесь наполнять желудки чаем, – сказал Валентин гостям, – сейчас будут готовы макароны по-флотски.

За неимением макарон, он насыпал в кастрюлю с кипящей водой вермишели. Затем вынул из ножен охотничий нож, всегда висящий у него на поясе, открыл две банки говяжьей тушеницы и выложил ее в кипящую вермишель. Валентин хотел еще поджарить лук на свином сале и заправить им готовящееся блюдо, но передумал, видя, как голодны люди.

Утолив немного голод, Павел обратился к хозяину вагончика:

– Как звать тебя, добрый человек?

– Валентином.

– Мое имя Павел, а это мой напарник по охоте Осип. Мы промышляли в верховье ручья Холодного.

– Запозднились что-то вы с выходом из тайги, – удивился Валентин, – сезон охоты давно закончился.

- Нас должен был вывезти вертолет, но в назначенное время не прилетел. Прождав его, мы упустили время, вдоволь наголодались и намучались.
- Это я по вам сразу определил. Вы из какого места в наши края попали? – спросил Валентин.

У охотников не принято задавать вопрос со слова – куда или откуда. С давних пор укоренилось поверья, что эти слова не принесут удачи.

- Мы живем в Старом Васюгане.
- Большой круг приходится вам делать, чтобы попасть домой.
- Без продуктов нам до своего поселка не добраться, вот и решили завернуть к нефтяникам, чтобы разжиться харчами на дорогу.
- Весной не сложно было бы сплавиться по реке, а в оттепель изрядно намучаетесь.
- Идти придется по насту, морозы еще должны постоять.

Разговор длился долго. Охотники подробно рассказали о неудачной охоте в последний день. Каждый рассказал о брошенной собаке со своей точки зрения. Валентин не мог понять, как можно бросить на произвол судьбы собаку, которая многие годы служила верой и правдой. Он расспросил о рабочих качествах и возрасте собаки, узнал кличку. Затем спросил:

- Как добраться до вашего зимовья?

Павел охотно рассказал:

- В трех часах хода по профилю увидишь затес на сосне, поворачивай вправо под прямым углом и выйдешь в распадке на ручей Холодный. Там сам сообразишь, в какую сторону по ручью идти к избушке.

Городскому жителю трудно понять, как по двум ориентирам в тайге можно найти избушку, удаленную на несколько десятков километров. В большом городе порой трудно найти дом, расположенный внутри квартала.

Ночью подул северяк, мороз окреп, оттепели не предвиделось. Прощаясь с Валентином, задержав его руку в своей руке, Павел сказал:

- Спасибо тебе за приют и помощь, окажешься в нашем поселке, заходи, будешь званым гостем.

Весь день на дежурстве Валентин думал о брошенной собаке, ему было жаль ее и стыдно за людей, бросивших друга. Он представил себя на ее месте –

голодным, обессиленным, без всякой надежды на спасение. После этого он не мог оставаться равнодушным к ее судьбе и принял решение завтра отнести ей пищу. Рассудив, что собака, оправившись от голода и ран, сможет уйти домой.

С напарником по дежурству на земснаряде, не работающем в это время года, договориться о переносе смены труда не составило. Чуть свет, положив в рюкзак хлеб и куски мяса, надел лыжи и покатил по профилю. Ему – потомственному охотнику, пробежать несколько десятков километров не составляло труда. Невысокого роста, коренастый, он легко скользил на лыжах в привычном темпе, при котором не сбивается дыхание. Орлиным взглядом зорких глаз осматривал стволы деревьев.

К избушке Валентин добрался во второй половине дня. В раскрытых дверях его встретил рычанием из-под нар Тунгус.

– Не сердись на меня, – как можно ласковее произнес Валентин, – я принес тебе еду.

Услышав незнакомую речь, Тунгус грозно зарычал, переходя на лай.

Достав из рюкзака кусок мяса, Валентин подошел к нарам и протянул к собаке руку с мясом. Около его пальцев лязгнули собачьи зубы. Он еле успел отдернуть руку.

– Ты слишком серьезный пес, – произнес Валентин и бросил мясо собаке.

Тунгус был очень голоден, но не схватил сразу брошенный кусок. Он обнюхал его и, не учуяя ничего подозрительного, осторожно взял в пасть.

Валентину понравилось поведение собаки. Он вышел из избушки, набрал дров из поленница и вернулся, чтобы затопить печь. Тунгус его встретил молчанием.

– Вот так-то лучше, – сказал Валентин и бросил ему второй кусок мяса, – на сегодня достаточно.

Затопить печь березовыми дровами дело плевое. Он оторвал от полена кусочек бересты, нащипал лучины, положил их в печь, над ними аркой – дрова и поднес зажженную спичку. Огонь весело побежал по бересте, вспыхнула лучина, и дрова начали разгораться. Только теперь Валентин почувствовал, что голоден. Взял чайник, стоящий на плите, и направился к двери. Около порога остановился, посмотрел по сторонам, надеясь найти пешню или топор. «Видимо хозяин избушки спрятал ценные вещи где-нибудь на улице, – подумал с сожалением, – придется наколоть льда ножом».

Натоптанная в снегу тропинка привела его к замерзшей проруби на ручье. Она выделялась гладким чистым льдом среди окружающего снежного покрова. Наполнив чайник кусочками чистого голубоватого льда, вернулся в избушку. Прежде всего, заглянул под нары. Тунгус вяло вилял ему хвостом, в печальных глазах собаки промелькнула радость. «Неужели он испугался, что я брошу его и обрадовался, когда вернулся, – подумал Валентин.

Вскоре избушка наполнилась живительным теплом, Валентин снял куртку, выложил из рюкзака на стол хлеб, вяленую рыбу, отварное мясо и принял за еду.

Засыпая на нарах, он думал о собаке, но окончательного решения, как с ней поступить, не принял.

К утру, избушка выстыла. Затопив печь, Валентин взял кусочек мяса, присел около нар и тихим спокойным голосом произнес:

– Тунгус, иди ко мне.

Собака, лежащая калачиком, вытянула голову, втянула в себя воздух с запахом человека и мяса. Немного повременив, выползла из-под нар. Валентин протянул к ней руку с мясом на ладони. Тунгус лизнул ему пальцы, взял мясо и мигом проглотил. «Ты умеешь быть благодарным, – произнес Валентин, внимательно осматривая собаку. Перед ним лежал пес серой волчьей масти с крупной головой, на которой торчали острые уши. Длинная, как у овчарки, морда заканчивалась черным носом. В приоткрытой пасти виднелись белые крепкие зубы с длинными мощными клыками. «Не завидую тем, кто испытал на себе эти клыки», – подумал Валентин, а вслух произнес:

– Давай-ка посмотрим, на что ты способен сегодня.

Взяв кусочек мяса, отошел к двери и позвал к себе собаку:

– Поднимайся на лапы, иди ко мне, а то отлежишь себе бока.

Тунгус медленно поднялся с пола. Он был высокого роста, истощенный до последней степени. Хребет и ребра выпирали из-под кожи. На изрезанных лапах наросли коросты.

– Тунгус, иди ко мне, – еще раз позвал Валентин собаку и протянул к ней руку с мясом.

Медленно переставляя лапы, пошатываясь, он побрел на зов. Его зад заваливался в сторону, и ему стоило больших усилий удержаться на ногах.

– Ну и довели тебя горе-хозяева до полного истощения, – произнес Валентин и отдал ему мясо. Затем провел по голове и спине рукой. От прикосновения руки Тунгус вздрогнул, по его коже пробежала дрожь.

– Тебя разве никогда не гладили? – спросил он собаку.

Тунгус не мог ответить на его вопрос, только смотрел удивленными глазами.

– Лежать! – твердым голосом приказал Валентин.

Тунгус повиновался и медленно опустился на пол у порога.

«Ноги заживут быстрее, чем собака окрепнет и наберет вес», – подумал Валентин.

Поев на дорогу и потягивая горячий чай из деревянной плошки, Валентин принял решение забрать с собою Тунгуса. «Вес у него небольшой, больше двадцати килограммов не будет, – думал он, – донесу как-нибудь».

Прежде всего, дал Тунгусу обнюхать рюкзак, затем осторожно приподнял зад собаки и надел на него рюкзак.

Словно понимая намерения человека, собака доверилась ему и не сопротивлялась. Натянув на нее рюкзак до шеи, завязал его и осторожно поднял на плечи.

Переступив порог, плотно закрыл дверь, надел лыжи и отправился знакомым маршрутом. Тунгус лизнул его ухо. Этот «поцелуй» растрогал Валентина, хотя он и не был сентиментальным человеком. Появилось приятное радостное настроение, которое прибавило ему силы. «Неужели собака понимает, что я ее спасаю, – подумал он, – даст Бог, мы с тобой подружимся и еще поохотимся вместе».

На хорошем корме Тунгус отъелся и быстро поправился. Он уже верховодил среди местных собак, некоторые задиристые кобели испытали на себе его крепкие зубы. Вскоре началась течка у Найды, Тунгус пас ее две недели, не подпуская к ней ни одного соперника. Валентин радовался, что у его собаки появятся добрые щенки.

Быстро пролетела весна, растаяли снега в тундре и тайге, отшумели весенними водами ручьи и реки, вскрылись ото льда многочисленные озера. Перелетные птицы вывели потомство, и табунки уток с утятами плавали на каждом, даже самом захудалом озерке. У зайчих уже появился второй помет зайчат. Эти кроткие, пугливые зверьки поступают со своим потомством, почти как кукушки. После родов накормят зайчат и убегают, оставив их на произвол судьбы. Если

какая-нибудь другая зайчиха наткнется на чужих зайчат, она обязательно накормит их. Зайчата часто становятся добычей бродячих собак.

Каждый день, возвращаясь с работы, Валентина у вагончика встречали Найда и Тунгус. Собаки имели разные характеры и вели себя каждая по-своему. Найда извиваясь всем телом и усиленно виляя хвостом, бросалась к ногам, показывая всем видом, что она хочет, чтобы ее погладили. Тунгус останавливался в шаге от Валентина и, вильнув несколько раз хвостом, стоял невозмутимо, давая понять, что он серьезная рабочая собака и ей не до ласк. Он не любил, когда его гладят. Первым делом Валентин кормил собак и разговаривал с ними. Работая целый день на бульдозере, ему не с кем было переброситься словом. Сегодня Тунгуса не было на месте. Валентин не придал этому значения, мало ли какие дела могут быть у собаки. Когда Тунгус не пришел на второй и третий день, он забеспокоился. Тешил себя мыслью, что возможно он загулял на собачьей свадьбе. Стал расспрашивать владельцев собак, но никто Тунгуса не видел. Через неделю понял, что собака пропала. Постороннему человеку в руки он не мог даться, значит, не поладил с медведем и попал под его тяжелую лапу. Валентин долго переживал утрату, ему жаль было пса, рухнули надежды на охоту с ним. Каждый вечер перед тем, как уснуть, до мельчайших деталей вспоминал встречу с ним в избушке и нелегкий переход от нее к своему вагончику.

На следующий год весной Валентин летел на вертолете из Стрежевого в поселок нефтяников Ломовской. Закончилось таяние снегов, реки вышли из своих берегов, залив все пониженные места бесконечного пространства болот, тундры и лесов. Под вертолетом вся поверхность земли представляла сплошную водную гладь с небольшими островами грив и лесов.

Пилоты получили радиограмму залететь в поселок Старый Васюган и взять на борт больного жителя. Когда подлетели к поселку, он предстал островом среди моря воды. Дома вдоль реки стояли в воде, как деревянные кораблики, готовые пуститься в плавание. Вертолет приземлился на поляну в центре поселка. Его быстро окружили не многочисленные жители. Для них это чрезвычайное событие и возможность общения с внешним миром.

По метеоусловиям вылет вертолета отложили на несколько часов. Валентин пошел осмотреть поселок. По улице ему навстречу бежала стая собак, среди которых высоким ростом выделялся кобель похожий на Тунгуса. «Не может быть», – подумал он, но сердце тревожно забилось.

– Тунгус! – крикнул Валентин срывающимся голосом.

Кобель отделился от сородичей, подбежал к Валентину и, остановившись в метре от него, приветствовал своего спасителя вилянием хвоста. Это был Тунгус. Он узнал своего спасителя.

– Здравствуй бродяга, я рад, что ты живой и остался верным своему первому хозяину, – с горечью в горле произнес Валентин.

Тунгус вильнул еще несколько раз хвостом и побежал догонять свору.

Валентин провожал его взглядом, к горлу подкатил комок, на глаза навернулись слёзы. У него не появилось желания идти дальше по поселку и разыскать Павла. Немного постояв в задумчивости, вернулся к вертолету. Ему было грустно, что он не смог приручить к себе Тунгуса и радостно, что тот оказался живым. Видимо, охотничьей собаке недостаточно ласки, ей дороже что-то другое.

Охота с борзой

В тот год охота на зайцев открылась по чернотропу. Октябрь выдался тёплым, с деревьев ещё не осыпались листья. На совхозных полях стояли берёзовые колки в золотом наряде.

Я медленно шёл по давно неезженой полевой дороге вдоль глубокого лога. Внизу протекал весёлый ручеёк, говор которого на перекатах доносился до меня. На склонах лога рос берёзовый лес. Мой гончак Фагот обследовал валежник и кусты в поисках следов зайца. Он периодически выбегал на дорогу. Убедившись, что я иду в заданном направлении, вновь исчезал в лесу. Чтобы его не отвлекать от поиска, я стал периодически кричать: “Гоп, гоп”, обозначая своё местоположение и помогая ему поднять зайца.

У берёзового колка, стоящего среди поля, увидел борзую белого цвета. Её держала за ошейник девушка школьного возраста. Высокая, стройная в светлом спортивном костюме. Зрелище было неописуемое. Я направился к ней. Подойдя, поздоровался и спросил:

– Вы охотитесь одна?

– С папой.

– Где же папа?

– Он пошёл с Петькой в колок.

Я подумал: “Почему отец с собакой оставил дочь, а не сына?”

Вскоре в колке раздался голос гончей. На поле выскочил заяц. Серый комок покатился в сторону лога. Девушка спустила борзую. Она распласталась в воздухе и огромными прыжками помчалась за зайцем. Я много лет охочусь в Сибири, но впервые увидел охоту с борзой. У нас не принято охотиться с борзыми, поскольку нет степных просторов. Всё моё внимание сосредоточилось на состязании зайца и собаки. Когда борзая приблизилась к косому и была готова схватить его, он сделал прыжок в сторону и не снижая скорости стал удаляться от неё. Она проскочила вперёд. Заяц успел оторваться от неё, прежде чем она вновь начала догонять его. Так повторялось несколько раз. Я, как зритель, был на стороне зайца. Желал ему уйти от погони. Заяц добился своей цели: заскочил в лес на склоне лога. Борзая последовала за ним.

В это время из колка выскочила с голосом эстонская гончая и последовала по следу зайца. Следом вышел на поле мужчина средних лет и направился к нам. Мы поздоровались. Это был Крутин Александр Борисович. Известный в Новосибирске гончатник.

— Где ваш сын?

— У меня только дочь.

— Она сказала, что вы ушли в колок с Петькой.

— Так это кличка гончака.

— Папа, надо идти искать собаку. Она может разбиться в лесу.

Мы направились в лог. Далеко справа слышался голос Фагота. Я поспешил к нему

Расплата

На востоке небосвод подёрнулся светлой полосой, предвещающей наступление утра. Скоро весеннее солнце выкатится из-за горизонта и зальёт палящими лучами окрестность.

Лиса мышковала на поле, покрытом прошлогодней сухой травой. Её трудно было заметить. Рыжий мех сливался с пожелтевшей травой. Она разрыла очередную мышью норку, задавила её хохяйку, послюнявила в пасти и проглотила. Полевые мыши были для неё деликатесом. Рыжая подняла голову, посмотрела по сторонам и прислушалась. Затем поспешила покинуть открытую местность до наступления рассвета. Путь лежал к берёзовому колку. Там в норе её ждали лисята. Уже не первый год она выводила потомство в покинутой барсуком норе, которая

располагалась на склоне пригорка в густых зарослях кустарника. Узкий вход вел на глубину больше метра в просторную камеру, из которой отходили два отвора в гнездовые камеры. Пол выстилали сухие листья. Рыжая не задумывалась, по какой причине барсуки покинули нору. Ей в норе было просторно и уютно.

Голодные лисята встретили мать писком. Она удобно растянулась у входа, предлагая потомству завтрак. Они быстро оказались около неё и приступили к трапезе. После сытной ночной охоты Рыжая стала дремать и постепенно уснула. Её разбудил запах дыма. Предчувствие беды заставило оттолкнуть лисят и выползти наружу.

С трёх сторон колка горела сухая трава. В лесу снег растаял поздно, мокрая подстилка не позволяла огню перекинуться на деревья. Пал с гулом шёл вдоль колка. Как у любой матери у неё первой мелькнула мысль: «Надо спасать потомство». Она вернулась в нору. Её ждали пятеро лисят. Пришлось делать выбор, которого спасать первым. Схватив за загривок первого, подползшего к ней, выползла из норы, и помчалось по ветру, пытаясь обогнать пал, бушующий за пределами колка. Ветер оказался быстрее её. Когда подбежала к краю колка, пол уже сомкнулся и бушевал по всему полю. Ей пришлось вернуться в нору. Рыжая долго не выползла из норы, сильно проголодалась, надеялась, что Лис принесёт добычу, и она утолит голод. Он не приходил. Видимо, с ним случилась беда или погиб в огне.

Собрав силы, Рыжая выползла из норы и вышла из колка. Перед ней лежало поле, покрытое чёрной золой. На нём она добывала полёвок, ловила лягушек и ящериц, лакомилась насекомыми, не брезговала яйцами и птенцами из гнёзд перепёлок и жаворонков. Пал уничтожил всё живое, что служило ей кормом.

Лисица знала, что в западном направлении находится небольшой посёлок. Она всегда обходила его стороной, чтобы не вступать в конфликт с людьми и собаками. Сегодня голод заставил её направиться туда, чтобы добыть пищу.

Перед посёлком на берегу пруда стояли птичники. На воде плавало множество белых уток. Пожар не тронул высокую осоку вокруг пруда. Рыжая подкралась к воде и затаилась. Она надеялась, что какая-нибудь утка подплывёт к берегу и станет её добычей, но утки не подплывали. Ей приходилось несколько раз менять позицию, но без результата. Только к вечеру утки стали выходить из воды. Недалеко от неё утка отряхивалась от воды, махая крыльями. Лиса молниеносным броском оказалась около неё, схватила поперёк, сжала челюсти и лишила жизни. Та даже не успела поднять переполох. Добежав до ближайшего колка, Рыжая принялась за еду. Тёплая сочная утятинка быстро утолила голод. Недоеденную часть утки прихватила с собой, чтобы приучать лисят к мясной пище.

Пожар вынудил Рыжую постоянно охотиться на фермерских уток. Когда лисята подросли, она стала брать их с собой и обучать охоте. С наступлением холодов уток перевели в птичники, лисиное семейство покинуло обжитое место и отправилось на поиски новых угодий.

На следующий год, когда зазеленела трава, лисиное семейство вернулось в родные места. Местная фауна после пожара не успела восстановиться. Лисы были лишены привычной пищи. Лисята рыжей выросли, приученные в прошлом году к охоте на утяток, совершили набеги на фермерское хозяйство.

Фермер только осенью заметил, что уток стало на много меньше. Это ему была «расплата» за пущенный пал, который уничтожил среду обитания многих животных и птиц.

Чирок

Незаметно пролетело заполярное лето. На многочисленных озёрах пернатое племя успело вывести потомство и подготовить к длительному перелёту в тёплые края. На каждом озерке выводки начинали объединяться в небольшие стаи в центре плёса. Старые утки громко перекликались, обсуждая предстоящий перелёт. Молодняк не окрепшим голосом поддерживал их разговоры. Над озером стоял птичий гвалт. На их шум к озеру подошёл песец. Он с удовольствием бы полакомился утятиной, но они были в недосягаемости. Утки периодически поднимались с воды, делали пробные полёты вокруг озера, чтобы подготовить молодняк для перелёта на большое озеро. Там они сбываются в одну большую стаю, которую опытные вожаки поведут на юг. Путь предстоит длительный – через Россию, Казахстан к Каспийскому морю.

Во время пробных полётов только один чирок оставался на воде. Во время посадки на воду его крыло попало в развилику ветки, торчащей из воды, и в нём растянулось сухожилие.

После полёта мать подплывала к своему сыну и на утином языке делала внушение. Видимо, объясняла, что надо тренироваться летать перед дальним полётом. Она не знала, что у него болит крыло, и он не может им махать.

Настало время покидать любимый водоём. Утки одновременно захлопали крыльями, снялись с воды и полетели на соседнее озеро к месту общего сбора.

Чирок провожал их грустными глазами.

Песец услышал шум улетающих уток, подошёл к урезу воды и осмотрел озерцо. На его поверхности плавал единственный чирок. Опытный хищник понял, что это его добыча. Скоро вода замерзнет, птичка окажется на льду, и он поймает её.

Мать чирка вернулась к сыну. Она своими действиями давала ему понять, что надо лететь с ней. Он пробовал махать крыльями, боль в крыле не давала возможности взлететь. Ей пришлось покинуть сына с надеждой, что ему удастся перенести суровую заполярную зиму.

Постепенно наступали холода. Временами шёл снег. На озере появились забереги. Они с каждым днем увеличивались, уменьшая полынью в центре озера, в которой плавал чирок. Песец уже сменил серый мех на белоснежный, регулярно подходил к озеру и ждал момента, когда полынья замерзнет и чирок окажется на льду. Он попытался по льду подойти к добыче, но около небольшой полынни лёд был слишком тонкий, чтобы подойти и схватить добычу.

Чирок испугался, поняв, чем грозит ему хищник, захлопал крыльями. К радости, крыло не болело. Со второй попытки взлетел и полетел над озером. Он не знал куда лететь, лишь бы подальше от места, где ждал его песец. Песец облизнулся, глядя ему в след, и пошёл на берег разыскивать обычный корм – полярных мышей леммингов.

Чирок летел пока не выбился из сил. Всё пространство под ним покрывал снег. Он привык садиться только на воду. Впереди показался небольшой ручеёк, бежавший между валунами. Чирок сделал круг и сел в ручей. Течение подхватило его и понесло вниз. Он выбрался на узкую отмель, не покрытую снегом. Его внимание привлекли в воде бокоплавы, цепляющиеся за гальки, чтобы их не унесло течение. Насытившись знакомым кормом, стал изучать ручей. Он вытекал из-под плотной снежной арки, лежащей на ветках кустов, росших по берегам ручья. Чирок зашёл под арку. Здесь было уютно и теплее, чем снаружи. Это место стало его прибежищем до весны.

Я шёл на рыбалку с Виктором по лыжне, проложенной от Игарки до его избушки на берегу озера. Перейдя реку Гравийку, Виктор свернул с лыжни в сторону. «Почему пошли не по лыжне?», – спросил его. «Хочу навестить приятеля», – ответил он. Больше вопросов задавать не стал, понимая, что скоро узнаю кто его приятель.

Мы подошли к журчащему ручью и направились вверх по течению. Около снежной арки на берегу увидели чёткие отпечатки лап чирка. «Жив бедолага», – произнёс Виктор и улыбнулся.

Наступила весна. Под жаркими солнечными лучами лёд на озере растаял. В лесу, кустах и тростниках еще лежали сугробы снега. Виктор поставил в озере сеть и сидел около избушки, грязь на солнце. Неожиданно бесшумно прилетел чирок и опустился на воду. «Неужели это мой приятель, – подумал Виктор. – Перелётным уткам ещё рано прилететь. Они прилетают стаями». У него стало радостно на душе. Чирок выжил в суровых зимних условиях и теперь будет его соседом.

На воде сидел чирок-свистунок – самая мелкая уточка. Он был в весеннем брачном наряде. Тёмно-коричневая голова сияла в лучах яркого солнца.

Лиса рыболов

Наш посёлок вытянулся вдоль реки Сим. Зимой против каждой усадьбы на реке прорубь. За водой приходится ходить с топором, чтобы прорубить намерзший за ночь лёд. Вода жителям нужна для хозяйственных нужд, скота и бани. Противоположный берег реки зарос смешанным лесом, в котором жители собирают грибы и ягоды. Глубина реки небольшая, хотя встречаются ямы. Летом её переходят вброд.

Весной проруби не замерзают. Я обратил внимание, что каждую ночь с противоположного берега реки приходит лиса и обходит все проруби. Чтобы удовлетворить своё любопытство решил пройти по реке. В одной проруби увидел стоящую у поверхности воды небольшую щуку. Осторожно подошёл к проруби, присел и медленно стал протягивать руку. Когда до неё оставались считанные сантиметры, она вильнула хвостом и скрылась в глубине. В другой проруби увидел чебака. Мне стало ясно, что лиса приходит на реку рыбачить. Весной рыбе на глубине не хватает кислорода и она устремляется в проруби?

Охота на кабана

Мой знакомый Александр Скворцов приехал во Францию навестить дочь. Она в России работала гидом. На неё обратил внимание французский турист. У них завязалась переписка. Через какое-то время вышла за него замуж и уехала во Францию.

Александру надоело знакомство с музеями, и он засобирался домой.

– Папа, что тебя тянет домой? – спросила дочь.

– Скоро открытие осенней охоты.

В разговор вмешался муж дочери:

– У моей старшей сестры фамильные охотничьи угодья. Я позвоню ей и скажу, что в субботу мы приедем к ней. Она организует для вас охоту.

Такого предложения Александр не ожидал. В груди появилось приятное душевное беспокойство, всегда предшествующее открытию охоты. Оно знакомо только охотникам. Он спросил:

– На кого охотятся в угодьях вашей сестры?

– На оленей, кабанов, – ответил зять.

Несколько дней до поездки Александр только и думал о предстоящей охоте. В мечтах он уже был в угодьях – стрелял по кабанам и оленям.

«Будет, что рассказать друзьям», – думал он.

Усадьба при охотничьем хозяйстве удивила Александра: красивый деревянный охотничий дом, конюшня, псарня, маленькие домики для охотников. Их встретила женщина мужского телосложения в сапогах и костюме для верховой езды.

После знакомства и взаимных любезностей она спросила Александра:

– Вам приходилось охотиться на крупного зверя?

– Я добывал медведя.

– Расскажите подробнее.

– Охотился на овсах. Егерь показал засидку на дереве. Просидел на ней всю ночь. Медведь вышел на овёс только под утро.

– Это не охота.

– Почему?

– Это убийство. У зверя нет шанса на спасение. Охотник ничем не рискует.

– У нас так традиционно охотятся.

– Предлагаю вам королевскую охоту.

Александр обрадовался. Он видел в фильмах королевские охоты с большими свитами подданных.

– На какого зверя будет охота?

– На кабана.

– У меня нет с собой ружья.

– Оно не нужно. У нас охотятся только с пикой.

Настроение Александра испортилось. Он знал об охоте с рогатиной в старину на Руси, но сам к такой охоте не был готов.

– Я обут в кеды. Это неподходящая обувь для такой охоты, – пытался мой приятель отказаться от предложения.

– Подберём вам обувь и одежду по вкусу.

Такой поворот в разговоре не обрадовал его. Любопытство заставило спросить:

– Как проходит охота?

– Вы сядете на лошадь, я выпущу свору гончих. Вам надо следовать за ними. Когда поднимут зверя, не отставайте от собак. Они остановят и окружат кабана. Вам следует подъехать к нему и поразить пикой.

Такая охота не устраивала Александра, и он, произнёс:

– Я не умею ездить верхом.

Шабаниха

Течёт в Новосибирском районе речка Шабаниха. Скорее всего, это ручей. Его путь лежит по глубокому и широкому логу. Бежит он тихо и спокойно, в задумчивой дремоте. По берегам растут чёрная смородина, калина и другие кустарники. Высокие склоны облюбовали берёзы и осины.

Приближаясь к Ине, он просыпается. Начинает шуметь, бурлить на перекатах, прыгать через пороги. В этом шуме чувствуется радость встречи с любимой полноводной рекой. В устье разливается в ширь по каменистой отмели, притихает и нежно вливается в Иню.

Я часто прихожу на берег Ини, усаживаюсь около ручья и слушаю его напевы. В зависимости от времени года и погоды они имеют свой колорит и гамму. На душе появляется благодать и спокойствие. Иногда моё внимание отвлекают чайки, пролетающие над рекой, парящая в небе скопа и маленькие кулички – песчаники, бегающие по отмели. Они ежегодно гнездятся около ручья и выводят потомство.

Всегда, находясь около устья ручья, мне хотелось узнать, где его исток. Я полагал, что он может вытекать из болота или из родников.

Своими мыслями поделился с приятелем Валентином – моим спутником в походах за грибами и ягодами. Он предложил – Пойдем за грибами. Покажу исток Шабанихи.

Я быстро переоделся, взял ведро и был готов отправиться в путь.

– Надень сапоги, – порекомендовал Валя.

– Погода сухая. Зачем сапоги? – удивился я.

– На месте узнаешь, – кратко ответил он.

Мы шли на юг по тропе, протоптанной вдоль склона широкого лога. Осеннее солнце ласкало лицо. Дышать было приятно воздухом, насыщенным ароматами леса и трав. Тропа привела нас в заброшенные сады бывшего совхоза «Садовод». Пройдя

несколько километров вдоль посадок черноплодной рябины, мы вышли за пределы сада, и попали в берёзовый лес. Тропа продолжала уходить на юг.

– Дальше по тропе не пойдём, – сообщил Валентин.

– Почему.

– Она приведёт на пасеку.

– По этой тропке выносят грузы с пасеки? – удивился я

– С противоположной стороны к пасеке подходит дорога из посёлка «Малиновка».

Мы спустились в лог, преодолели ручей и направились по склону вдоль правого берега ручья. Постепенно лог менял направление, и мы двигались уже на восток. Я пытался увидеть грибы, но они не попадались.

– Где же грибы? – спросил у Валентина.

– Ведешь на склоне лога сломанную берёзу?

– Вижу.

– Там должны быть грибы.

Наш путь лежал по склону лога со старым берёзовым лесом, заваленным сухим валежником. Сломанная берёза высотой около пяти метров служила хорошим ориентиром. На всякий случай, я запомнил – с какой стороны светит солнце, а про себя подумал: «Какие грибы могут быть в таком лесу?».

Вскоре лес стал реже. Здесь когда-то заготавливали лес. Старый выруб зарос крапивой. На давно поваленной берёзе сплошным ковром росли опята.

– Оставляем вёдра здесь, – произнёс Валентин.

Я понял, что ему хорошо знакома местность. Здесь он бывал неоднократно.

Мы спустились по склону в широкую низину. До противоположного склона было больше километра. Под ногами стала хлюпать вода. Мы подошли к ручью. Вернее, к плотине, через которую перекатывался ручей. Её соорудили бобры из хвороста и ила. За плотиной просматривался большой плёс.

– Обычно бобры строят плотины из брёвен, – удивился я.

– Из брёвен строят там, где их можно сплавлять по воде. Здесь лес далеко. Вот они и воспользовались хворостом, – ответил Валентин.

– Постоим немного. Может, увидим бобров.

– Днём вряд ли мы их увидим.

– Где же исток Шабанихи?

– Здесь когда-то из-под земли вытекали родники. Бобры устроили плотину, и они оказались под водоёмом.

Мы вернулись к вёдрам. Я достал нож и собрался срезать грибы.

– Не торопись – произнёс Валентин. Посмотрим грибы в крапиве.

Он взял палку и раздвинул высокую крапиву. Перед нами предстал берёзовый пень, покрытый опятами как кольчугой. Их ножки были толще шляпок. Валя предусмотрительно взял с собой целлофановые пакеты.

Домой мы возвращались более коротким путём с приятным грузом в руках.

Содержание

Очарованный жизнью

Повесть

В Югории у хантов

Рассказы

Охота на уток в Заполярье.

Два Михаила

Полярный волк Вайт

Судьба волока

Тунгус

Охота с борзой

Расплата

Чирок

Лиса рыболов

Охота на кабана

Шабаниха